

Валерий Горелов

КОЛКАЯ МАЛИНА

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ
СТИХИ И ПЕСНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Горелов
Колкая малина.
Книга четвёртая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70257379

SelfPub; 2024

Аннотация

Автор предлагает подумать над вечными вопросами: о душе, о выборе, о Боге. О заключении и любви, о том, что самое важное в жизни. Главная изюминка сборника – песни. Каждый желающий может пропеть их в сопровождении любого доступного музыкального инструмента: гитары, гармошки, аккордеона и т.д. Оживите стихотворные строчки своими чувствами и голосами и станьте участниками поэтически-песенного марафона по всей нашей любимой и необъятной Родине.

Содержание

Часть I. Венок	10
Венок	10
Родина моя	12
Акварели	14
Тень на плетень	16
Птенчики	18
Подорожник	20
Красота	22
Впроголодь	24
Двое	26
Доверие	28
Долги	30
Забудьте	32
Заточение	34
И вдруг	36
Кайф	38
Катюша	40
Комсомольская правда	42
Только она	44
Медуза	46
Мода	48
Моралистам	50
Мультфильм	52

Мы	54
Нашенские	56
Не повторяется такое никогда	58
Обобществлённая	60
Поводырь	62
Повседневность	64
Под шкурой	66
Хорошие манеры	68
В долгу	70
Приведение	72
Часть II. Абы как	74
Абы как	74
Потому	76
Сержанты	78
Без объяснений	80
Голым телом	82
В суматохе	84
Вопрос	86
Врали	88
Все, и мы тоже	90
Вурдалак	92
Гости	94
Деменция	96
Дешёвка	98
Доброволец	100
Дурака включают	102

Дурачок	104
Жертва	106
Злость и ярость	108
Зуд	110
И так тоже можно	112
Иллюзион	114
Имеем право	116
Кирдык	118
Медные глаза	120
Мусорная сказка	122
Не брак	124
Не буду	126
Не надо бы	128
Неприятности	130
Неразменный	132
Никому и ничто	134
Ничьё	136
Обязательства	138
Отступники	140
Отчаяние	142
Позиция	144
Только у них	146
Туман	148
Целая наука	150
Шепчут	152
Активизм	154

Почётный	156
Прадедушки	158
Приз	160
Сдоба	162
Тайное	164
Толкотня	166
Часть III. Кто-то	168
Кто-то	168
Во искупление грехов	170
Вчера и завтра	172
Выбор	174
Жертвоприношение	176
Знаки и приметы	178
Канотье	180
Крылья	182
Лишнее	184
Лоботомия	186
Любовь	188
Мечта	190
Может	192
Набекрень	194
Надо понимать	196
Нам не надо	198
Не надо	200
Не пропусти своё	202
Не сбейтесь с пути	204

Неизбежность	206
Ни стыда, ни совести	208
Обращаюсь	210
Общая кухня	212
Огонь и любовь	214
Одиночество	216
Она с тобой	218
Она	220
Опять!	222
Открытое окно	224
Повторение	226
Поиск	228
Цена	230
Чего творим	232
Чужая душа – потёмки	234
Это я	236
Антимир	238
Попроси	240
Про правду	242
Сила и красота	244
Сказано	246
Скиталец	248
Сытая душа	250
Золотая Рыбка	252
Часть IV. Песни	254
Горячий снег	255

Всё оно – наше	258
Весна	260
Гербовая печать	262
Законотворцы	264
Зовите всех	266
Изумление	268
На краю	270
Намеренья	272
Не спи	274
Одичавший	276
От стыда	278
Однако	280
Пятница	282
Отмычки	284
Пожелания	286
Три аккорда	288
У костра	290
Холодный пепел	292
Чёрный Крест	294
Пятый угол	297
Ставни	299
Старому вору	301
Девяностые	303
Мироносица	305
Лабиринт	307
Чтобы любить	309

Валерий Горелов

Колкая малина.

Книга четвёртая

*Нашим родителям и моим сверстникам,
принявшим Христа, посвящается...*

*«И делом правды будет мир, и плодом
правосудия – спокойствие...»*

Исаия 32:17

Часть I. Венок

Венок

Я жил среди людей и оставался одиноким,
И не всегда по собственной вине,
Но ещё мальчонкой, рахитом кривоногим,
Со всеми не хотел быть наравне.

Дикая малина, как девка крепостная,
Краснея, выпускает терновые шипы.
Она себя блюдёт, колючая и злая,
И ты её такую пробуй, полюби.

А я сплету венок из её ветвей,
И, конечно, он не будет триумфальный,
Ведь я совсем не голубых кровей,
А всего лишь житель коммунальный.

И в этом моя воля, и в этом моя сила,
Там мои разлады и там мои согласия.
Жизнь барачная каждый день учила,
Что такое честь, а что есть безобразия.

Венок не будет красоваться под тризну на могиле,

Наряжённый в ленты поминальные.
Его не будет там, где ели и где пили,
И даже там, где торжества пасхальные.

За поиски любви и постоянства,
За то, что не боялся ни стужи, ни огня,
За одиночество и приступы упрямства
Пусть венок наденут на меня.

Родина моя

По траве зелёной гуляет коса
И луговые соцветия срезает,
А берег речной целует волна
И лодку пустую качает.

Из травы подсохшей постель себе смастрячу
И буду в небо ночное подглядывать.
Там стану для себя искать удачу
И тайные желания загадывать.

Перестала лодка с берегом шептаться,
Закатились в воду облака.
Я не буду с тобой прощаться:
Мы в жизни мерцаем, как два светлячка.

Трава в июле пахнет земляникой,
И я целую тебя, не спрося,
И сплю под Луной светлоликой,
И вижу твои синие глаза.

Они – как луговые васильки,
И как в горной руде бирюза,
И мы бежим с тобою напрямки,
И под ногами ночная роса.

Утром меня цапля разбудила,
Прохлопотав крылами прямо у лица.
Солнышко слегка мир позолотило,
Просыпалась Родина моя.

Акварели

Надо, чтобы дни цвели, как акварели,
В самых ярких и сочных тонах,
Чтоб там радуга цвела, и свирели пели,
И золотом кресты горели на церквах.

Пусть будет чистое небо вокруг,
Как отражение в голубых глазах,
И нежная душа, и солнечный круг,
И восторженная музыка в сердцах.

У нас никогда не будет помех,
И мы свои вёсны любовью продлим.
И пусть время одинаково для всех,
Но уже не будет больше долгих зим.

Пусть упрёком будет только поцелуй,
Не прерывайте песни шансонетки.
И только к самому себе ревнуй,
А птицу счастья выпусти из клетки.

Снова оттепель приходит в города,
И забубнили первые капли.
Птица счастья не осталась без гнезда,
И мы, хоть на чуток, но постарели.

Не стоит ни о чём страдать или жалеть,
Но только помни наяву или во сне,
Что надо малое дитя собой согреть
И увидеть девочку в стареющей жене.

Тень на плетень

Мы не видим ни порядка и ни связей,
Даже в том, что рядом каждый день,
Все далекие от сказок и фантазий
И наводят тени на плетень.

В гнёздышке синички – яичко к яичку,
А рядом у травинки выросла травинка,
Камышинки сами заплелись в косичку,
И тихо подгребают утка-мандаринка.

Скользит на длинных лапках водомерка,
А лягушка с восхищеньем смотрит на неё.
У каждого с утра своя примерка,
И у каждого на всё своё чутьё.

Бабочка расправила крылья расписные,
Сегодня на поляне земляничной
Она исполнит танцы показательные,
И кузнечик подыграет на струне скрипичной.

Под берёзкой выросли лисички,
А в тёплых листьях прячутся ежата.
И не нужны ни точки, ни кавычки —
Здесь на каждой страничке цитата.

Всё это и есть великая наука,
Ту, что величают тайной сотворять,
А остальное всё – бессмыслица и скука,
Потому что не умеет восхищать.

Птенчики

Стоят осинки у дороги,
У них листики – как мелкие монетки.
Какие радости, такие и тревоги,
А мальчишки с нашей улицы бежали с «малолетки».

Где-то хитростью, а где-то мордобоями,
Прекрасно понимая, что пауз не бывает,
Нас дяденьки и тётеньки делали изгоями,
Просчитав, что птенчик не летает.

Поседели волосы у старого товарища,
Дряхлеет, прогибаясь, отчий дом.
Здесь от радужных надежд остывшие пожарища,
А время становилось глухонемым врагом.

Оно не ведало ни пауз, ни отсрочек,
Ни разу не поверив и не проиграв.
Он превратился в ленту из тире и точек,
Это нашей скорбной жизни телеграф.

Время не играет в догонялки,
Там одни и те же правила игры:
Мы пытались выжить по шпаргалке,
Но не получилось спрятаться в тени.

Не придётся ждать и выбирать,
Когда в одной посуде покой и круговерть.
Если есть за что, смейся и страдай,
Но жизнь без пульса времени превратится в смерть.

Подорожник

Серёжки на ольховнике ветерок качает,
Бабочка-капустница по траве порхает,
На проводах чирикают городские птицы,
Всегда у лета длинные ресницы.

Они в зените солнце помогут задержать,
А там умеют лучше друг друга понимать,
Где больше света и тепла
И даже узенькая тень не пролегла.

На красную клубнику слетаются сороки,
Наверно и у лета бывают свои сроки,
Но совсем не надо грустить или сердиться,
Если лето в осень накренится.

Осень отцветёт багровыми цветами,
Отплачется холодными дождями,
Зароются поглубже семена,
И обида будет прощена.

Посыплет белый снег,
Наступят холода,
Но нам тепло холодным январём
И только потому, что мы вдвоём.

Теперь её рука в моей руке,
А её голова – в моей голове;
Она – как колдунья, а я – как безбожник,
И нам обоим снится лето и пыльный подорожник.

Красота

Всем надо оттолкнуться и надо разбежаться,
И здесь у красоты большие шансы.
Считалось, что она не может ошибаться,
И для неё всегда готовы реверансы.

А тот лицом совсем невзрачный,
И весь какой-то некомфортный.
Был у него разбег неудачный
И, конечно, прыжок не рекордный.

Но у красивых тоже запала не хватило,
И этих, и тех обыграла судьба:
Она им больше ничего не предложила
И второго шанса не дала.

В жизни мало показать себя красиво,
Нужно что-то кроме этого уметь.
А те, кто тянет за собой лукаво и игриво,
Судьбой приговорены поглупеть.

Себя уже не надо любить или стесняться,
Теперь всё это не продать и не купить:
Все достоинства умом будут исчисляться,
И справедливо, что с лица воды не пить.

Красота – не ремесло и не профессия,
И она не способна спасать.
А жизнь, она совсем не фотосессия,
И правильные позы не будет выбирать.

Впроголодь

Не рубите канаты тупым топором,
Умейте всё решить одним ударом.
А если всё получится молчком,
То это не покажется кошмаром.

Во дворе салаги чинят самокат,
На столбах расселись чёрные вороны,
Дядька на скамеечке читает самиздат,
А кто-то на верёвке сушит панталоны.

На гитаре брынькает юноша влюблённый,
Собаки у помойки ловят жирных мух,
Не старый ещё дедушка, медалью обойденный,
Письма фронтовые вспоминает вслух.

Всё это, наверно, постановочные сценки,
Так, наверно, сочиняли рапортчики.
Они писались прямо на коленке,
Но в них не забывали проставлять кавычки.

В чугунной сковородке нажарили картошку,
И хорошо бы на закуску мочёный помидор.
Похоже, в прошлом веке всё было понарошку,
Для чего и расширяли общий кругозор.

Рылись на помойке две белые вороны —

Эти всегда впроголодь живут.

Им, конечно, принесут венки на похороны,

И где на радостях как надо отхлебнут.

Двое

Под одной крышей не ужиться двум поэтам,
Пусть они самых мелких дарований.
Всё их общение кончается приветом,
Уже присутствие друг друга – предмет негодования.

Каждый сам с усами Музу заманить
На шампанское и дольки мармеладные,
С ней любезно поболтать и как-нибудь склонить
На рифмы сладострастные.

А двоих она, конечно, застесняется,
Не станет пить и делать пируэты.
И вроде как в обиде распрощается,
И без вдохновения останутся поэты.

И будет брошена перчатка,
И будет вызов на дуэль,
Но случилась осечка и перезарядка,
И ничью объявит кукла Аннабель.

И родилось третейское решение:
Разъехаться по разным городам,
Чтобы у каждого осталось своё мнение,
А Муза забегала по разным адресам.

Сладкие предчувствия в капкане самомнения —
В этом состоянии не чувствуется срама.
Но Муза не пришла, пришли одни сомнения,
И скисли на диванах оба графомана.

Доверие

Все в жизни чем-то злоупотребляли,
Может и не ведая, а может и со зла,
Кому-то не додали, а где-то смухлевали,
А выгода сама собой пришла.

Гнилое искушение – в щёлку подсмотреть,
А себя не обделить – рыцарский закон.
Никто никому не даст умереть,
Если не дрогнешь, идя на обгон.

Последним маршрутом летит мотылёк,
И его не поставишь на паузу.
У каждого доверия свой срок,
А всё что потом, превращается в клязу.

Доверие людей – ресурс возобновляемый,
Дураков всегда было не счесть;
У таких избранник будет неменяемый,
И они себе начислят три раза по шесть.

Доверием, как шлюхой, злоупотребляют,
И мимо интереса не пройдут,
Их демоны пинками подгоняют,
А те, кто часто доверяют, долго не живут.

Протяните мне навстречу руки
И отпустите собаку с цепи.
Я сегодня пришёл без кольчуги,
Не зная доверью цены.

Долги

Дождь осенний холодом ругался
В надежде меня как-то обуздать,
Но ноябрь попусту старался:
Было поздно что-либо менять.

Потом декабрь взялся вразумить
И стучался в окна по ночам.
Они меня хотели застыдить,
Что я не знаю цену собственным долгам.

Я не пытался перед ними оправдаться,
Мне нужна другая параллель:
Я буду каяться и как-то объясняться
Лишь тогда, когда придёт апрель.

Когда на подоконниках капли отзвенят,
А по веткам, как мурашки, почки побегут,
Чувства прежние во мне заговорят
И меня за собой поведут.

И вдруг окажется, что не было долгов,
И я как птица Феникс встрепенусь,
Потрачусь на большой букет цветов
И снова в те же двери постучусь.

Когда сам себе надумаешь долги,
Даже не пытайся с ними рассчитаться:
Жизнь сама прополет сорняки,
А ты, не разобравшись, не спеши прощаться.

Забудьте

Нигде не обучают науке забывать,
И нет учебников по этой дисциплине,
Нас учили узнавать, напоминать и упреждать,
И помнить все исходы и причины.

И мы грузились всем, что видели и слышали,
Холодным и горячим, жидким и комком,
И даже тем, что плохо разглядели и расслышали,
Будь то благостью или фальшаком.

Помнится красивое, как сладкая конфетка:
Клевер на покосе и ржавое железо,
На Жигулёвском пиве этикетка
И патриотическая песня Марсельеза.

А всё тревожное в себе – как рука в наколках,
А непонятное клубится как туман,
И где-то на совсем не дальних полках
Хранятся в памяти измены и обман.

Если своим чувствам воли не давать,
То это и станет началом конца.
Не старайтесь всё в себе держать,
Это будет выбор мудреца.

Память так устроена – в ней нету запятых,
Забудьте всё плохое и оставьте благодушие,
Вы ощутите много радостей земных,
Это очень важно – уметь забыть ненужное.

Заточение

Если удача не пришла,
За ней надо идти самому;
А если закусил удила,
То не прячься в нейтральном углу.

На сцене в кабаре играет джаз,
А окольцованную птицу в клетку посадили.
Ей не хватает восхищённых глаз
Под замком в двухкомнатной квартире.

Птица увядает, как ландыш на жаре,
И затухает, как Венера на рассвете;
Так и роза замерзает в декабре,
И улыбка в недописанном портрете.

За окном играют полонез,
Попался в мухоловку мотылёк,
И уже не бьёт волна о волнорез,
Слишком тускло тлеет фитилёк.

Тот, кто целовался один раз,
Немного знает про любовь,
А кто не видел жизни напоказ,
Тот не знает, как густеет кровь.

Повидавшая в жизни слепая старуха
К ней постучится в окно
И тайно нашепчет на ухо,
Что не там свобода, где платят хорошо.

И вдруг

Земля никогда не сгорает дотла,
Она где надо подсластит, но тут же и подсолит.
Ей не сдвинуться с орбиты и не сойти с ума,
Она все смертные грехи за нас замолит.

А мы её за это яростно терзаем,
Дразня при этом мать свою своей.
Чем до сих пор живём, не понимаем,
Но страшимся быть хоть чуточку добрей.

Мы в неё за вечные щедроты
От рождения, как табун зверей,
Зарываем все болезни, срам и нечистоты,
В помойку превращая свою же колыбель.

Человек не стал царём природы,
А сделал из себя царька зверей:
Издравле и до сих пор рождаются уроды
И выясняют, кто кого сильней.

И ВДРУГ на кораблях затихли дизеля,
И уснули на бетоне самолёты,
В небе и на море тишина,
Китам – глубины, а орлам – высоты.

Пилы в тайге перестали визжать,
И забурлили ручейки в своих протоках,
Люди отказались природу покорять,
Услышав, наконец, своих пророков.

Кайф

Отправьте меня в Каппадокию
Полетать на воздушном шаре:
Хочу победить свою фобию
Прогулкой в высотном кошмаре.

И чтобы там, за облаками,
Меня туман ознобил,
И чтобы, как фанерка, гнулся под ногами
В корзине жиденский настил.

И были тонкие верёвки,
Как сильно перетянутые струны,
И чтобы там без всякой подстраховки,
А лишь в надежде на милость фортуны.

Ни рук, ни ног, верблюжья спина,
Уши посиневшие и сопли на щеках —
Это фирменная местная игра,
Главный кайф которой – первобытный страх.

Нету в мире лучших балансиров,
Чем этот толстый и бескрылый самолёт,
И оскаленные морды пассажиров,
У которых кровь неправильно течёт.

Выживали все за редким исключением,
Но их друзья потом не узнавали.
Они на ваш вопрос ответят с полным убеждением,
Что вы в жизни просто кайфа не видали.

Катюша

Трясут лохмотьями бомжи,
Чечётку на зубах отстукивает кто-то,
На клочке газеты – куражи,
И участковый матерится для отчёта.

Они где-то отмутили литровку первача
И собрались праздник отмечать:
Недавно в такой день закончилась война,
А тут на свой манер умеют поминать.

Однорукий пехотинец в грязной майке
Песню отжимал у полгармошки,
Пританцовывал безногий на порванной фуфайке
И пел, как воеет небо при бомбёжке.

В карманах участковый притащил картошки,
И ему грозитя баба с барачного окна.
Подкрались воробьи и поклевали крошки:
Их тоже отогрела мирная весна.

У сгоревшего танкиста отсутствует лицо,
Но он Катюшу тоже петь пытается.
К его пальцу приварилось обручальное кольцо,
Но он человеком выглядеть старается.

О таких не эстетично было вспоминать,
И их угнали за сто первый километр,
А там, чтобы калеку закопать,
Нужно-то всего лишь кубометр.

Комсомольская правда

Газетные статьи, как тексты из талмуда,
В них ищут скрытый смысл и тайные знамения,
А там – набор из фраз мычал, как чудо-юдо,
Какой там может быть резон и предопределения?

Передовица – руководство к действию,
Где не говорят о собственном недуге,
Но часто – о заботе и содействии,
Да о правках в исторической науке.

Сияли на наглаженном мундире
Пять заслуженных наград.
Им романтические марши посвятили
И выходили с ними на парад.

Слава увлекала за собой,
Но как всегда она гуляща и вертлява,
А порой была приветлива с тобой,
Как на рыле бегемота балаклава.

Её по номерам и датам подшивали,
После того, как верность подтвердили.
Её до тряпки разминали и одно место подтирали,
Но где-то глубоко в душе любили

За то, что помогла разжечь костёр в лесу
И закулёчить двести грамм конфет.
Она всю нашу молодёжь держала на весу,
Но ей теперь, как и другим, назад дороги нет.

Только она

Недолго мой самолётик бумажный
Белым мотыльком в воздухе парил —
Его шмель протаранил лохматый и важный
И в цветущий клевер приземлил.

Летопись жизни воспета
От поклона матери-природе,
От кружения пчелиного балета
И малиновки, поющей на восходе.

Кто в этом не пытался разобраться,
Тот в собственном доме – в гостях.
А у тех, кто умеет ждать и влюбляться,
Цветы прорастут на камнях.

Не надо рваться к равновесию
И к старому искать новые подходы:
На всякое спасение и всякую агрессию
Есть право только у природы.

На листке тетрадном в линейку косую
Всегда имеешь правильный наклон.
Можешь озираться в сторону любую,
Но тебя всё время гонят под уклон.

Не забудьте свою главную примету,
Повторите клятвы и пароли,
Когда скитаться пойдёте по свету
В поисках лучшей доли.

Медуза

С утра в Газпроме полный паралич:
Вечный двигатель нашли на хуторе заброшенном.
Его на кузне смастерил Кузьмич
С рябым лицом, немного перекошенным.

Двигатель, похожий на «Медузу»,
Ни в питье, ни в пище не нуждался,
Но форы выдавал всему Экибастузу
И ключиком на десять разбирался.

Который год на хуторе спеют ананасы,
А Кузьмич завёл себе гарем;
Всё превращалось в цветущие пампасы,
Которые бывают во время перемен.

«Медуза» за секунду испаряет лом,
А на десяток километров лампочки горят.
В энергетике случится перелом,
Когда об этом все заговорят.

Спалили Кузьмича студенты-практиканты,
Они на хутор забрели в поисках фольклора.
Они вели себя, как оккупанты,
И то, что они видели, дошло до прокурора.

«Медузу» разобрали и изъяли,
От объяснений отказавшись наотрез,
А Кузьмича втихую расстреляли.
Вот так не состоялось чудо из чудес.

Мода

Моя дама – нарочито грустная,
Потому что нечего надеть,
А в исполнении тоски – до того искусная,
Что и самому хочется реветь.

У неё с нарядами – полная разруха:
Мода снова шкуру поменяла.
Теперь что было год назад – срам и показуха,
Вот барышню мою грусть и обуяла.

Выщипала брови, губы накачала,
На ляжках розы в красном цвете наколола,
И грудь на пять размеров больше стала,
А задницу отключила для общего прикола.

Теперь всё это никуда не влазит,
Даже в старый адидасовский костюм.
А если мини с декольте, то бабушек колбасит:
Наши бабушки не любят сладенький изюм.

Умеют у нас барышни закатывать концерты,
На них уже ни силы, ни терпения.
Когда-то красота требовала жертвы,
А теперь настырно вымогаются вложения.

Возможно, что от бедности разврат,
И в прошлогоднем она точно сказочное чудище.
И если не засунуть ни перед и ни зад,
То, может, подойдёт монашеское рубище?

Моралистам

Наш колхозный конюх, колченогий дед Хома —
Неизвестной войны доброволец —
Всегда шарашится с собакой по кличке «Кутерьма»
И хвастает, что он – орденоносец.

Хотя у нас в колхозе каждый знал,
Что он был затаившийся троцкист
И прошёл не фронт, а Беломорканал,
А то, что наболтал – художественный свист.

Но был в колхозе и реальный медалист,
Которая рекордные надои выдавала,
К ней даже сватался районный активист,
Но только она дважды отказала.

Она была идейной комсомолкой
И, конечно, неприступной моралисткой,
Но точно не какой-нибудь кошёлкой,
Только может быть чуть-чуть идеалисткой.

Каждую субботу к концу вечерней дойки
Мы прятались в чапыжники у дальнего колодца,
И за полчаса до вечерней зорьки
Нам очень потаённое увидеть удаётся.

Она вытаскивала ноги из резиновых сапог
И нас сахарными ляжками дразнила.
Вот такой у нас случился педагог,
Она, похоже, нас давно уже спалила.
Из-под телогрейки вываливала груди
И долго полоскала их в колодезном ведре,
А мы захлёбывались в этом абсолюте,
Как тонут новички в карточной игре.

В сумерки ушло виденье чародейское,
Застегнув под горло телогрейку.
Пусть будет так, ведь дело-то житейское,
И ценой всего в одну копейку.

Мультфильм

Она сидела на скамеечке в оранжевых колготках,
У неё колени были словно апельсины,
А у меня в кошёлке две бутылки водки,
А на мне штаны из серой мешковины.

У неё в глазах глубинная тоска,
Она была как Сонная Лощина.
А у меня ещё два плавленых сырка,
И на роже двухнедельная щетина.

Ещё и солнце не пришло в зенит,
А мы расположились по-людски перекусить.
Мимо голый пробежал, наверно, трансвестит,
Но нам такие не мешают жить.

Она представилась мадам Бонасье,
А я, конечно, страстный д'Артаньян.
Но только по злой воле кардинала Ришелье
У нас всего один занюханый стакан.

И она спросила после первого стакана,
Знаком ли я с текущими расценками.
Но я, как персонаж любовного романа,
Всё рвался закусить её коленками.

Всё это подобно муляжу,
И тут совсем не порнофильм.
А если кто не понял, подскажу:
Пред вами антистрессовый мультфильм.

Мы

Мы где-то обосрались, а где-то перебдели,
Вот такое всё оно – в подтекстах.
Но мы не все ещё песни допели
И не на всех проявились рефлексах.

Мы свои правильно загулы понимали,
Но, может, не всегда помнили финалы,
Потому про нас бесстыдно ввали —
Про кухонные драки и сексуальные скандалы.

Мы в полном пролетарском понимании
И с его обычным лексиконом
Внушали всем: чтоб оставаться в процветании,
Нужно дружить с гегемоном.

Мы себя не оскверним деньгами:
Это с буржуйского тумана.
Мы на мир смотрели советскими глазами
Через подзорную трубу гранёного стакана.

Мы и чёрным хлебом будем сыты,
И будем верны своему комдиву:
Ещё не все диктаторы добиты
И только мы несём мир всему миру.

Мы – имя существительное и местоимение,
И кругом одно лишь пролетарское пространство,
И одно лишь истинное мнение:
Вот такое оно и есть – мировое мессианство.

Нашенские

Кому-то в руки восход, кому закат по ногам,
Чьи-то песни нарасхват, а кто-то просит в долг,
А нам мудро рассуждать – совсем не по годам,
И не надо в нас искать рассудительность и толк.

Мы найдём свои заборы и овраги,
И мало будем строить, больше разрушать.
Простите рыцари плаща и шпаги:
Нас не учили лирой созидать.

Мы на других играем инструментах,
Мы схоронили лирику и схоронили физику,
А самим хотелось жить в моментах
И настырно ретушировать заплёванную вывеску.

Мы были в новобранцах и даже в ветеранах,
Нам наплевать, где всплыть, и плевать, где тонуть —
В бурных океанах или в водочных стаканах.
Нас приучили приобнять и тут же оттолкнуть.

Тосты и призывы в праздник Первомайский
Для нас звучат откуда-то извне,
Вроде в гости появился Бендер-Задунайский
И нашептал, что истина в вине.

Мы, конечно, нашенские парни,
И готовы к разным перипетиям.
Мы уживёмся и в овчарне, и на псарне,
За что спасибо дорогим учителям.

Не повторяется такое никогда

Она со школы полюбила хулигана,
Он казался рыцарем без страха и упрёка.
На районе не было круче донжуана,
И она к нему сбегала с последнего урока.

А её любил пацан с соседнего двора,
Всё в кино пытался пригласить,
А она уже тогда была звезда,
И он её мог только рассмешить.

А хулиган после первого срока
Стал наркозависимым подонком,
И появлялся от наскака до наскака,
Чтобы потоптаться по детским распашонкам.

Его убила в подворотне сволота,
И она вздохнула с облегченьем,
Плохо понимая, в чём её вина,
Но воспринимала это как спасенье.

Годы испарились, как талая вода,
И ей казалось всё уже прошло,
А молодой мужчина с соседнего двора
Снова пригласил её в кино.

Она была глупа и безрассудна,
И, конечно, виновата больше всех,
Но как бы уже неподсудна,
Ведь два раза не казнят за один и тот же грех.

Обобществлённая

Меня последними словами материли,
А один засранец даже в драку лезть пытался.
Все дружно меня сволочили,
Словно я в измене Родине признался.

Меня назначили фигурой отрицательной,
А в оправдание рта не давали открыть.
Приговорили к порке показательной,
За какие-то проступки пытались проучить.

Много непонятого может получиться,
Если не найдётся, кто тайну разболтает.
Когда никто ни за кого не может поручиться,
Каждый сам себя за это оправдает.

Как сосулька с крыши, на меня свалилась новость,
Которую точно не ждал, не гадал:
Вроде бы как мне доверили общественную совесть,
А я её по «буху» где-то потерял.

А общественная совесть – как общественная баня:
С холодным скользким полом и забеленным окном,
Где, хозяйственным мылом себя задурманя,
Совесть прикрывается фиговым листом.

Совесьть – тот хрупкий хрусталь,
Которым всё время друг друга стращали;
Но если и была обобществлённая мораль,
То её уже давно перепродали.

Поводырь

Только в недописанном романе
Удалось сорваться подкаблучнику,
И только захмелевший в вагоне-ресторане
Доверится случайному попутчику.

Кто-то сразу загремел из огня в польмя,
Его пытались забодать ветвистыми рожищами.
А те, гордо выставляя собственное имя,
Лезли обниматься грязными ручищами.

Это Гера наставила Зевсу рога
И с Олимпа прописалась к вам в хрущёвку,
И вы теперь её избранник и слуга,
Будете водить её в фабричную столовку.

Не нужна амброзия, если есть любовь,
Нет ничего вкусней перловой каши.
И всё вокруг не в глаз, а в бровь,
И в самом натуральном антураже.

На нервной почве вызрели прыщи,
И без присмотра стадо разбежалось.
Никто уже не знает, кому нести дары,
И что реально, а что лишь показалось.

Врачеватели лечите, святители крестите,
Пусть будет мир холодный и горячий,
Но вокруг внимательно смотрите,
В какую сторону вас тянет поводырь незрячий.

Повседневность

Завязли в повседневности возвышенные цели,
И затаились самые благие намеренья,
Но может мы их никогда и не имели,
А всё, что было – суета или сомненья?

Мы, возможно, и искали справедливости,
Но только хлопотали каждый за себя.
Нет правил измерения наивности,
И каждому своя досталась западня.

Один искал прорехи в неизбежности,
Другой всё время ждал особого сигнала,
Пока его жевала корова повседневности,
И тёща до конца не заклевала.

Уже неделя превращается в минуту,
И грохот наковальни ожиданий
Набатом призывает к самосуду
Во спасение души от мутных оправданий.

Мы не сумели разогнуться и идти;
И таких во многом можно упрекать,
Которые пригрелись взаперти,
А должны были на Марсе яблони сажать.

У повседневности родилась импотенция,

У неё свои прописаны пути.

И это не зараза, это – индальгенция:

Мечтать о том, что будет впереди.

Под шкурой

Не придумали лекарства против страха,
И одному мерещится чёрный воронок,
А другому угрожает шапка Мономаха,
И разбегается под шкурой холодок.

Как парализованные ходят топ-модели,
Они себя блюдут по специальности,
А на кого-то только посмотрели —
Они уже запели в правильной тональности.

Кто умеет криво ухмыляться,
Тот идейно будет предавать,
А если задним числом придёт извиняться,
То ему раньше было нечего сказать.

Нам бы с паршивой овцы – шерсти клок,
И каждому зарплату по лояльности,
А те, кто плохо поняли урок,
Будут лихоимцы и бездарности.

Заведите им дневник для поведения
И не пускайте провинившихся гулять,
А если не проявят достаточного рвения,
Опять мозги придётся зачищать.

Пусть своя рубаха ближе к телу,
Но только не рожайте новую натуру,
Подведя себя к тому пределу,
Где рубаха прорастёт в овечью шкуру.

Хорошие манеры

Расскажите мне о правильных манерах,
Я очень сильно хочу об этом знать:
Как должно разбираться в экстерьерах
И как интеллигентно и красиво выпивать.

Как девушку красивую под руку выгуливать
И за столом в зубах не ковырять,
Как конфликты с жандармерией разруливать
И как мимо унитаза не нассать.

Мне не хватает этих вот манер,
И потому бывают всякие курьезы:
У меня легонько сбился глазомер,
И я из-под ногтей зубищами вытаскивал занозы.

Я графиню нежно обозвал лягушкой,
За что был отлучён от лобзания руки.
Пусть это осталось непонятой шуткой,
Но тем, кто водку разливал, меня не обойти.

А я в подпитии начал спотыкаться
И перепутал пидорасов и нудистов,
А когда начал лаять и кусаться,
Был тут же вымаран из списков моралистов.

Моя пещерная натура многих напугала,
Так учите меня хорошим манерам;
А графиня очень ехидно сказала:
Пусть Вам этот мужлан не будет примером!

В долгу

Пол-литра бирюзы и терракота,
Здесь то ли полутундра, то ли полулес.
Пылит песок, и чавкают болота,
И это будит вдохновенье, а может – только стресс.

Из кустов черничных заросли густые,
А в них подосиновик цветаст и головаст,
А на мелком стланике шишки смоляные,
И он себя в обиду никому не даст.

Думки, как чернички, сладкие с кислинкой,
Но липнут, словно шишки на ладошку.
И становится понятнее с каждой морщинкой,
Что ничего не происходит понарошку.

На сыпучем бережку оранжевый шиповник,
Тот от любого гостя отобьётся.
Он – тернового венца далёкий кровник,
И это значит, каждому по вере отзовется.

Бурундук на старом пне растопырился,
На мелководье мальмочка играет в «кувырок»,
А мальчишка на весь свет как будто разобиделся
И нахмурившись глядит на поплавок.

За волшебство, за чувства, за игру,
За понимание в заплаканных глазах
Мы перед жизнью в неоплаченном долгу,
Если даже нас простят на небесах.

Приведение

Трясучка на рынке недвижимости —
На продажу выставили дом, где живут привидения,
И не знающие меры в одержимости
Встали в очередь без всякого сомнения.

Говорят, что там дежурил участковый,
И привиденье его в лоб поцеловало,
Тогда послали взвод мотострелковый,
Но оно всем на двери указало.

Участковый две недели тупо пил,
А пехоту обвинили в суеверии и трусости.
Им вроде даже трибунал грозил,
Но отменили по фактической абсурдности.

Даже местный дьякон приходил,
Он брызгался водой и что-то бормотал,
А после этого ругался и грозил,
Но, похоже, никого не напугал.

Зачем-то из района приехал прокурорский —
Возможно, чью-то должность сократили.
А был ещё и десант волонтёрский,
Те просто на крылечке покурили.

Не сумев ни отселить, ни запугать,
Решили вылечить себя от геморроя,
И домишко с привидением задорого продать,
Благо от желающих не было отбоя.

Часть II. Абы как

Абы как

Ошелушенный солнцем и ветрами
Стоял в болоте серый истукан,
Он на мир смотрел незрячими глазами
Ещё за тысячу лет до первых христиан.

Он никого не искал в пустоте,
Они сами себя являли,
Какие-то духи, как будто извне,
Умерших души искали.

К нему летом прилетали глухари
Теребить голубичные чёлки,
А зимой из стылой темноты
Заходили полярные волки.

Рядом с ним под ручку не гуляют,
Но когда горькая гонит беда,
О его глазах незрячих вспоминают
И пытаются искать нужные слова.

Истукан – не идол поклонения,

Он – знаменье человеческому роду.
Это история пленения и растрления
Духа, потерявшего свободу.

Если в жизни выбора лишиться,
Каждый будет иноверец или враг.
И если ты не волен усомниться,
То, значит, проживаешь абы как.

Потому

Велико разнообразие миропроявления —
Нескончаемая цепь столетий и мгновений,
И у каждого из них свои предназначения —
Это бесконечное кино чувств и впечатлений.

Мелкой дробью бьют мелкую дичь,
Ей выносят приговор, празднично ликуя,
А кого-то на трибуне разбивает паралич:
Он очень страстно врал, на должность претендуя.

Один с протянутой рукой просит подаяния,
А если отказали, смачно плюнет вслед;
Другой на всех друзей дал показания,
Но только непонятно, почему запил поэт.

На тульском самоваре – хромовый сапог,
В таких, наверное, ходили в Голливуде
Он от барышни с обложки просто очумел,
А там явно пририсованные груди.

Раскурили трубку посланцы краснокожих,
А кто-то митингует, свесившись с балкона.
Он скрытно онанирует, глядя на прохожих,
У него такая самооборона.

Никто не жил на свете просто так,
Всех живущих греет белая звезда.
Ей всё равно – что гений, что батрак,
И только потому вращается Земля.

Сержанты

Он себе морду расхайдокал о линию трамвайную,
И на районе все углы пособирал.
Он ситуацию создал чрезвычайную,
И его милицейский наряд подобрал.

Его тащили под руки здоровые сержанты,
А он требовал ещё на посошок,
Но ему пообещали антидепрессанты
И сунули в ребро электрошок.

Он очнулся раком на кушетке,
Которая воняла дерматинном и мочой,
На полу валялись какие-то объедки,
И сразу стало ясно, что он – антигерой.

Голова с трудом соображала,
В узкое окошко пробивался свет,
Где-то приплатнённая музыка играла
И тянуло дымом сигарет.

Быть может, он и есть трепещущая тварь,
Поэтому с пинка на шконку залетел.
А на улице сейчас палач-январь,
Где он бы через час и окошел.

Сержанты дали рубль на трамвай
И, ничего не оформляя, выгнали домой:
Вот теперь иди и рассуждай,
Кому же, кроме них, он нужен был такой.

Без объяснений

Кто-то верит, что оковы проржавели,
И притравы не кладут в капканы.
А кто не верит и ещё не сели,
В панике пакуют чемоданы.

Кому-то таракан вкусней конфетки,
А кому собака – лучший друг.
Вот тем уже отправили повестки,
А этих просто взяли на испуг.

Очень круто водку наперчили,
Чтоб вкушать её как наслажденья.
А те, кто маршруты себе прочертили,
Прячутся от смут и жаждут везенья.

Они на кофейной гуще ворожат,
Языком вылизывая страх,
Но убежать никуда не смогут,
Потому что смута в головах.

Но были те, кто закусили удила,
Ни в чём не ища снисхождений,
Для них по-другому вращалась Земля,
Без всяких на то объяснений.

На перекрёстах всегда сквозняки,
И смотреть не хочется в глаза.
Можешь никак себя не блюсти,
Только не сойди с ума.

Голым телом

Если бы «Титаник» не нырнул под воду,
Никто бы ничего о нём не знал,
А если бы с Невы крейсер не пальнул,
Никто бы равноправия так и не познал.

Плюньте трижды через левое плечо,
И вся нечисть кинется бежать.
А вы не залезайте очень высоко:
Оттуда можно кости не собрать.

Те, кто не доел, всегда без настроения,
А у тех, кто переел, чувства те же самые.
И лишь голодные не знают поражения,
Они неутомимы, злые и упрямые.

Никто не хочет ни отдать, ни поделиться,
Все хотят по-тихой отсидеться,
Но жизнь, она заставит шевелиться
И догола на холоде раздеться.

И кто поедет золото копать на Колыму,
А кто обобществится голым телом.
Мы бы снова выиграли войну
В том же самом ватнике замшелом.

Мы свои шансы не можем проиграть,
И пусть не все глотнули крови всласть,
Дайте нам напиться и вдоволь погулять,
И для нас станет родной любая власть.

В суматохе

Начинался наш роман бурно и слюняво,
Мы зажимались где только возможно,
И я ей объяснялся бестолково и коряво.
Всё было как-то очень суматошно.

А жизнь, как оказалось, не терпит суматох,
И к нам, слепившимся на пушечном лафете,
Явился вдруг недруг-переполох
И объявил, что могут быть и дети.

И другая музыка сама собой включилась,
И слюнявость жизнь отрихтовала.
Я же не был виноват, что это получилось,
Что она не знала своего потенциала?

На головную боль мерещатся сомненья,
Как будто их цыганка нашептала.
И откуда-то оттуда появились мнения,
Что может быть, она меня поймала?

Обвинив её во всех грехах подряд,
Мне показалось, я нашёл своё спасение,
Подтолкнув её на дьявольский обряд
Человеческого жертвоприношения.

Пусть все соки высосут болезни и тоска,
Но пусть сластолюбивые лжецы и пустобрехи
Страшатся сотворенного греха,
Ибо они продали душу в суматохе.

Вопрос

У каждого свои симптомы отравления:
Кто-то побежит в колокол звонить,
Кто-то погружается в бред и сновидения,
А кому-то надо святыню осквернить.

Для отравленной души и засранных мозгов
Теперь всегда подход неординарный —
Их грузят на «Корабль дураков»,
Где всегда режим авторитарный.

Там в одной каюте лжепророки и сатиры,
Им на нудистском пляже полная свобода.
Они рядились и в сутаны, и в мундиры,
Они – больное отражение своего народа.

Нет вакцин от пропаганды бесовской,
И не разобраться в лицедеях,
Как нет порядка и в пещере правовой
Среди удавов в полицейских портупях.

Много было хитрых и отважных,
Которые из тех, что вороватые.
Всяких было одинаковых и разных,
Но в общей массе были просто бздиловатые.

А если не прятался и не мирился,
То сам себе задай вопрос:
Неужто понять, что ты отравился,
Можно только через рвоту и понос?

Врали

Всякое случается от того, кто врёт,
Он, даже если напрямую не вредит,
Всё равно опасен врун и пургомёт,
Если больше всякой нормы напуржит.

Любят карьеристы блажить и рассуждать
О молочных реках в кисельных берегах.
Те умеют вычурно и бесстыдно врать,
Демонстрируя фальшивые мозоли на руках.

А тому, кто врёт из праздности и скуки
Очень хочется надёжной индульгенции.
А те, кто жили в вечном перепуге,
Врут потому, что в старческой деменции.

А те, которые берутся врать для блага,
Обещая, что придём и воздадим,
Это значит, сделают по принципу дуршлага:
Что останется на дне – достаётся им.

Томным голосом под колокольный звон
Кто-то взялся чуму предсказать:
Здоровое, больное, сон и явь —
Всё умеет придумать и наврать.

Айсберги вранья рядом проплывают,
Может лучше правду и не знать.
Блажен тот, кто в трёх соснах плутает,
Где нельзя ни спеть, ни прочитать.

Все, и мы тоже

Все знают, что такое каменные джунгли,
Но не знают, как едят яичный порошок.
А те, кто за собой мосты пожгли,
Не заслужили даже траурный венок.

Кислую отрывку утраченных иллюзий
Вы быстро перестанете стесняться,
Если в самых благонаправных из дискуссий
Властью будете за деньги покупаться.

Время, как и голод, ничему не учат,
Но не бывает там двойного дна.
Здесь не выносят приговор и не осудят,
Тут каждый сам решает за себя.

Но никто ещё не умер от позора и стыда,
Все ждут, когда вода проточит камни.
Но, значит, в этот дом пришла беда,
Если ясным днём закрыли ставни.

Наступило время офисных пророков
И бессовестных валютных спекулянтов,
Прогуленных финансовых потоков
И крикливых засранцев и мутантов.

Когда бывает ясно, что ничего не ясно,
И ни одно решение не кажется ответом,
Что есть сил бегите от соблазна
Самому себе казаться полным бредом.

Вурдалак

На пьедестале – статуя размера исполинского,
Здесь в собачьей будке держат вурдалака.
А у тех, которые под знаменем Дзержинского,
Никогда не кончается драка.

Им не нужны причины и сомненья;
Ведьмак зубами скрежетал и глазками стрелял —
У него своя мораль и убеждения,
Он и есть тот самый красный трибунал.

Тут осваивают Божье ремесло,
Историю толкают по новой траектории,
Но если до кого-то что-то не дошло,
Их лечить отправят в санатории.

Сколько будет надо у стенки и казнят,
И не будет лишних в этой экзекуции,
И миллион за проволокой сгноят,
Это – только жертвы всемирной революции.

Нас всё время принуждали жить,
Как прописано в научном коммунизме,
И заставляли догму зазубрить,
Как любить самих себя в каннибализме.

Возмужал товарищ вурдалак
И силен, как африканский лев,
Он ничего не будет делать просто так.
Сваяли на красной стене его барельеф.

Гости

Казалось, что буря пришла с океана,
Она мосты прогибала звенящей дугой.
Над городом нависла тень Левиафана,
Изрыгая свист и вой.

На колени становились тополя,
Долбило яхты о бетонные причалы.
В чёрный кисель превращалась земля,
Пространство и время сместили порталы.

Согнуло циферблат у уличных часов,
Двери в подъезде сорвало с петель.
Возможно, это началась война миров,
И по стенам хлещет свинцовая шрапнель.

В чёрном небе громыхало, как при артналете,
Наверно, мы опять участвуем в войне.
А может это гости в звездолёте
Везут своё откуда-то извне.

Они подсунули нам атомную бомбу,
А у нас не ладится друг друга уничтожить.
Так они, в угоду своему апломбу,
Нам помогут себя же подытожить.

Эти гости не ждут приглашения,
У них под нас свои теории.
Это у нас всегда печали и сомнения,
А им просто нужны территории.

Деменция

Они друг с другом спорили до хрипа
И, пьяные, на Пасху подрались.
Они оба боялись тележного скрипа,
Но на споры о политике радостно велись.

Они стояли на позициях троцкизма
Против загнивающей Европы,
Но как верные дети соцреализма,
Они были и хитры и твердолобы.

Им было ясно, что всё надо отобрать,
Но непонятно, как потом делить:
Один орал, что надо всё раздать,
А другой считал, что в закрома сложить.

Делили шкуру неубитого медведя
На малюсенькой кухне в хрущёвке.
Вот так конфликтовали Вася и Федя —
От нецензурных слов до потасовки.

Бывшим комсомольским активистам
Наступала на пятки деменция:
Из них каждый считал себя реалистом,
Уверенный, что будет интервенция.

Мы врага в бараний рог закрутим,
А пятую колонну истребим,
И сколько надо, столько и намотим,
Ну и, конечно, за ценой не постоим.

Дешёвка

Есть законы физики, и есть законы жизни,
Но законы физики нарушить невозможно,
А законы жизни – под игом дешевизны,
Там говорят: всё можно, только осторожно.

В физике у вещества один удельный вес,
А здесь – какая будет конъюнктура.
Вчера ещё судили за обсчёт или обвес,
А теперь другая в мышцах крепатура.

Кто не умеет обсчитать слепого старика,
Тот как надо не умеет жить,
А умеет тот, кто с видом знатока
Из порожнего в пустое может перелить.

Нету в диалектике правильных акцентов,
И когда количество переходит в качество,
То тут уже не жди аплодисментов,
Когда всё превращается в кустарное левачество.

Неизлечима наша страсть к дешевизне,
Это когда себя продашь совсем задаром.
Надо, как всегда и как везде,
Суметь перепродать кого-нибудь с наваром.

Если совесть по дешёвке заложил,
Помни: всё кругом не без причин.
И если ту страстишку умом не победил,
Жизнь превратится в уценённый магазин.

Доброволец

На всех поворотах меня заносило,
И я о каждый угол бился головой.
Мне за что-то что-то мстило,
И не было просвета за чёрной полосой.

Потеряв доверие к собственным словам,
Я стал невразумительный и нервный,
Начал учиться читать по губам
И теперь какой-то очень суеверный.

Заказал себе недельный гороскоп
И плевался через левое плечо.
Во мне распухал ксенофоб,
Но и это не очень помогло.

Тени за окном по стёклам бликовали,
А мне казалось, они гонятся за мной.
Меня даже крики детские пугали,
Но сильнее всего – звонок дверной.

Куда-то исчез возрастной аппетит,
Я шуровался шорохов и скрипов,
И проявлялся лёгкий дерматит
При появлении рядом незнакомых типов.

Ужасное предчувствие, что меня найдут,
И не для того, чтобы бить или стращать.
Мне всё время кажется – они вот-вот войдут,
Чтобы меня в армию забрать.

Дурака включают

Жизнь – как отражение в ложке золотой,
А та ложка – в башмачке хрустальном.
И нету ничего общего с толпой у тех,
Кого рожали в роддоме персональном.

Они пришли сюда, чтоб наслаждаться,
И чтобы всех собою восхищать,
Для них нет ничего, чем можно засмущаться,
И, конечно, ничего, что можно не предать.

Вот она – бисквитный торт,
Выходит в люди в мини-юбке и, конечно, без трусов,
А за ней тусит эскорт
Из преданной прислуги и размалёванных шутов.

Такие не имеют собственных просчётов,
У них всегда в запасе виноватый:
Это парочка дежурных идиотов
Или кто-то очень туповатый.

Им учиться просчитать свои возможности —
Всё равно, что прочитать послание пришельца,
А убедить их в собственной ничтожности
Сможет разве кнут рабовладельца.

И это никого, конечно, не касается,
Все уже привыкли дурака включать.
Лишь судьба ехидно ухмыляется:
Коль не жил богато, нехер начинать.

Дурачок

Он по любому поводу включает дурака,
Но при этом говорит, что очень умный,
Что всё умеет просчитать наверняка,
А к своему – ещё и остроумный.

Он сам себе придумал эту роль:
В одном лице дурак и прорицатель.
Он сам себе слуга и сам себе король,
Он – ноль без палочки и первооткрыватель.

Пусть сыграет каждый новичок
В эту самую старинную игру,
Покорившую и Запад, и Восток,
В ней всё лучшее достанется Ивану-дураку.

Ему – полцарства и волшебную жар-птицу,
Сафьян, атлас и красный шёлк,
Распрекрасная румяная девица,
И в придачу в услуженье Серый Волк.

Плыли годы, менялись режимы,
Но остаётся любимая игра,
В которой есть и грешники, есть и херувимы,
Все играют в подкидного дурака.

У дурака всегда мозоль на языке,
Но в маске он – фигура аноним.
Не надо думать об общественной кишке,
Строже соблюдайте масочный режим.

Жертва

На рубиновые звёзды птицы не садились,
Они только уважительно кружились,
Понимая, что там за дела,
Если на Архангельском звонят в колокола.

Там придумали свои богоявления
И создали новые масштабы измерения:
Так, любая очередь не может быть длинней,
Чем та, которая стояла в мавзолей.

Главные часы время отсчитали,
И часовые по дорожке прошагали.
Всё по распорядку неизменному,
По минутам и только по-военному.

Ели облепили молодые шишки,
То тут, то там мигают фотовспышки,
А вдоль траурной стены бегал драный кот,
И это явно был совсем не патриот.

На шершавой искалеченной брусчатке
От времен лихих остались отпечатки.
Здесь пионеров строят по правилу ранжира,
Они – наследники нового мира.

Сейчас у них проверят внешний вид
И отправят драному коту устроить геноцид:
Они кого угодно загонят в капкан,
Пока патриотично грохочет барабан.

Злость и ярость

Когда я попадаю в плен своих эмоций,
Меня пугается своё же естество:
Я сам уже не вижу ни берегов, ни лоций,
И что бы я ни делал, – это шутовство.

В злости нет ни смысла, ни искусства,
Но если со всем миром не согласен,
Как говорил великий Заратустра:
«Уйди, когда для всех опасен».

Ярость – это признак ослепленья,
Но это только видится как драматургия.
Тут в утешение достанутся блудливые сомнения:
Быть может это всё и есть шизофрения?

А уже когда находит исступление,
Это вроде людоедства, но без аппетита,
Оно быстро перейдёт в остервенение,
И уже недалеко до суицида.

И всё это безумие с нами всегда рядом,
А не на брусчатке пустых площадей.
Оно изрыгается страхом и ядом
На близких и верных людей.

Ни слепая ярость, ни глухая злость
Не помогут и не воскресят.
И люди селятся туда, где есть любовь,
И за каждую ошибку не казнят.

Зуд

Порыв – это поступок без всяких размышлений,
А ответная реакция уже произошла.
Это всё в порыве тайных побуждений,
Где нет расчёта, есть только игра.

Это всё незрячая игра без козырей,
Где в тёмную пытаются колоду стасовать.
Тут важно извернуться и стукнуть побольней,
И глаза друг другу погуще заплевать.

Всё это называется подкожными делами,
Которые зудят, как паразит чесоточный.
А может быть, такое было с вами,
Когда весь мир становится подстрочечный?

У уступивших не бывает проигравших,
Проигрывают те, кто не знает меры,
А кто судит примирение признавших,
Те, по большому счёту, сами лицемеры.

Те, кто не обучены искусству выживать,
Не воспримут паузу как знак.
Они дуэльный пистолет не смогут удержать,
Потому что спорящий – не враг.

А когда у вас ни в чём сомнений нет,
То ваши личные скелеты и трущобы
Дадут вам оглушительный совет:
Не вступайте в бой из личной злобы.

И так тоже можно

Он по жизни не пытался просто воровать,
Ему надо было где-то прислуниться,
Чтобы у кого-то что-нибудь отжать,
Просчитав заранее, как смыться.

Всегда хорошо просквозить по карманам
Там, где было полное доверие.
И такое не считается обманом,
Ведь это просто злоупотребление.

В развешенные уши доверителя
Можно много чего напихать:
Они всегда открыты для сказок искусителя,
Но после сделки надо исчезать.

С глубокого похмелья в голове всегда помойка,
А искать ответы надо в поле правовом.
И с этого начнётся новая попойка,
А уже ответчика корова слизала языком.

Самые разные темы срastaются,
Но если где-то по запарке напорол,
И такие, как он, попадаются,
То на них примеряют осиновый кол.

И тогда уже ничто не сочетается,
И уже ни петь, ни кукарекать.
И даже уже врать не получается,
Остаётся только снять штаны и бегать.

Иллюзион

Один ушёл за горизонт и не вернулся,
Другой за угол повернул и потерялся.
Кто-то просто от шуршания проснулся,
А кто-то от собственных слов засмутился.

Сегодня одну руку поднимают «за»,
А другая с кукишем в кармане.
Кому-то дружбу обещают навсегда,
А тянут, как оленя, на аркане.

У тех, кто в авангарде, дыхание ровней:
Они или воюют, или строят.
А у тех, кто в услужении, сердце горячей:
Они, что надо подтвердят и тут же стол накроют.

А он пылает рвением служебным,
Как луч света в темени житейской.
Он со своим чутьём великолепным
Всегда отличится на службе лакейской.

Она за ним скучала, как палка по собаке,
И исправно исполняла роли театральные.
Она работала ударно, как соковыжималка,
Разрешая все запросы сексуальные.

Если каждому жизнь по ролям расписали,
То значит, судьба – сценарист.
А кто же будет режиссёр на этом фестивале,
И кто же иллюзионист?

Имеем право

Когда не можешь в главном разобраться,
Оставь сомненья и развей печали.
У нас всегда есть право ошибаться,
Всё остальное – черти накачали.

Кто-то резко поменяет гнев на милость,
А кого-то на кармане за руку поймали.
И если вдруг напала одержимость,
То забудьте то, о чём мечтали.

Всегда своя рубаха ближе к телу,
А чужие тайны интереснее своих.
Мы засвидетельствуем всё и по любому делу,
Нам бы только благ, пускай недорогих.

Нам выдадут по ящику печенья
И современный самогонный аппарат,
И мы будем готовы принять поздравленья,
Таким, как мы, хорошим, каждый будет рад.

Всегда найдётся узенькая щель,
Куда своё рыло можно просунуть,
И доносы превратятся в самоцель,
В этом хочется соседа переплюнуть.

Мы научились ехидно смеяться
И смачно плевать на чужие печали,
Но мы помним своё право ошибаться,
А остальное – черти накачали.

Кирдык

Хотелось крови дуэлянтам сильней,
Чем проститутке хочется любви,
Но адъютант утёрся аксельбантом,
А девку забесплатно развели.

Нельзя без аппетита целоваться:
Сразу поймут, что у вас интерес.
И не пробуйте без повода смеяться,
А то у вас появится собственный Дантес.

Кто-то сзади тихо подобрался,
Думая, что всё про тебя знает,
А ты совсем не испугался,
Что тебя предатель обнимает.

Кто ведёт себя достойно, по-мужски,
Тот любит экзотический шашлык:
Ему порубят кобру на куски,
Что по-татарски называется «кирдык».

А кого вчера на кладбище снесли,
Сегодня водочки побрезговал испить,
Но мы главную черту не перешли
И надеемся живых от мёртвых отличить.

Наглажены штаны, заштопаны колготки,
За окном – весенняя истома.
Возьмём-ка, милая, ещё две поллитровки,
Никак влюблённым не сидится дома.

Медные глаза

Гипсовую статую в рыжем парике
И с нарисованными орденскими планками
Увезли на чёрном воронке
Вместе с разгрудастыми цыганками.

Единожды предавший станет чужаком,
Такого будет стыдно узнавать,
А он ещё с врагами шепчется тайком
И пытается губёшки раскатать.

Приготовьте вёдерную клизму:
Тут всякое коварство – от слипшихся кишок.
Мы скажем «да» любому онанизму,
Лишь бы не залезли в кошелёк.

Пусть будет он красив и коренаст,
Ему чужие тайны не доверят,
Никто ему привет не передаст
И дважды за таким перепроверят.

Кипятят в кастрюле сборную солянку,
И вылезла подагра на глиняной ноге,
Накрошили в винегрет бледную поганку
И без трусов танцуют при Луне.

От хохота трясутся потроха,
Которые вращаются на вёртеле.
Там уже давно – медные глаза,
Они таких и обессмертили.

Мусорная сказка

Для взрослых сказки грустными бывают,
Они не романтичны и не поучительны.
В них серое от чёрного плохо отличают,
Но часто эти сказки бывают убедительны.

Она произошла от обезьяны
И была ведьмой в шестом поколении.
Она, свои зализывая раны,
Всегда стонала в животном исступлении.

Её прапрапрабабушка-Яга
Ваню-дурака чуть в печке не сварила.
А эта вот другой подход нашла:
Ваню-дурачка к сожительству склонила.

И Ванька рад, что у него не выросли рога,
А что хвост, так это не считается.
Он смотрит в её жёлтые глаза
И всё глубже туда погружается.

Она была магистром в скотоложстве,
И имела степень бакалавра в колдовстве,
Но могла себя являть в любом искусстве
И надолго растворяться в сон-траве.

Вот такие сказки выдают на сдачу
Тем, кто от реальности бежит
С закруткой конопли и водочкой в придачу;
Он вроде как живёт, а реально – спит.

Не брак

Угорает русское село:

У них сегодня разъездная медицина.

Ещё к зениту солнце не пришло,

А всем уже раздали по пачке анальгина.

А мази от блох и мандавошек

Дали банку на два дома,

И не обошлось без драки и делёжек

С подпорченным портретом пана агронома.

Как потерпевшая учётчица орала,

Что её пятый муж – олигофрен!

Она к земному и небесному взывала

И урвала для себя гематоген.

С медицинским спиртом банку утянули

И куда-то сразу схлынула толпа,

Но все вернулись, как только лизнули

Чистейшего бальзама из горла.

Кричали дети громко и пронзительно,

Чаровница местная рвалась на аборт.

И только одна фраза звучала примирительно —

Что не бывает браком третий сорт.

Им не нужны свинячьи нежности,
Здесь каждый сам потомственный ведьмак.
Тут осетрина всегда второй свежести,
И никогда четвёртый сорт не брак.

Не буду

Мелкий и вертлявый щитомордник
Огромного тигра может убить.
Если дали на себя надеть намордник,
Значит, навсегда останетесь в нём жить.

Меня не надо бить и принуждать,
Я никому не буду делать реверансы
И не буду долголетия желать
Ни за похвалу и ни за шансы.

Я не буду молчать и поддакивать
И по чужой указке ставить препинания,
Чтобы совесть свою не оплакивать
И не искать для себя оправдания.

На тех, кому не нужны оправдания,
Есть всегда порядок ценовой,
И не будет правил воздержания,
Коли не поладите с собственной судьбой.

Все, кто не различают, где свобода, где тюрьма,
И смотрят на мир чужими глазами,
Кушают один кусок дерьма
И могут хвастаться лишь грязью под ногтями.

Приходите поделиться новостями,
То гостинцы из замочной скважины.
Когда за всё хватаются грязными руками,
То те, кто были рядом, уже обезображены.

Не надо бы

В каких-то тайных школах учатся злодейству,
Смертельным наговорам и тайному клеймению.
Клещи и бюрократы слюнями метят жертву:
У них один объём по слюноотделению.

На букетик лютиков плюнули презрительно,
Там нужен громкий запах и фигура.
Учитесь говорить громко и пронзительно,
Даже если очень мелкая фактура.

Шакалы найдут и сожрут ослабевшего,
Падёт в короткой схватке старая волчица.
Тут не будет очевидцев, и не будет потерпевшего,
А тем, кто убивал, больше нечему учиться.

Самолёт, как воробей, крыльями не машет,
Но зато летает выше облаков.
Пусть снайпер дважды в одну мишень промажет,
И пастух не бьёт кнутом коров.

Дайте мне лом и кувалду:
Я поеду строить космодром.
И маленький кусочек рафинада:
Мы его поделим с больным безродным псом.

Пора переиздать учебник по злодейству,
Пусть пишут его на другом языке.
И не надо прислоняться к скрытому еврейству,
Чтобы с помпой отвалить на последнем корабле.

Неприятности

Любые неприятности, они всегда некстати,
Но никто не должен без надежды жить.
И пусть кому-то смелости не хватит, а кому-то благодати,
Но каждый свои страхи мечтает победить.

Кто-то не проспался после бурной пьянки,
И теперь он в зеркале сам себя пугает.
Пытается накапать валерьянки
И последними словами сам себя ругает.

А у кого-то выросли ветвистые рога,
Он ими всю округу запугал:
У него была такая аппетитная жена,
Что даже местный батюшка её не пропускал.

Того смертельно запечатало, а у того понос,
И такие в жизни бывают неприятности.
А если дали по рукам за то, что не донёс,
Так в таких делах не бывает ясности.

Неприятности бывают не только после радостей,
Они могут быть одна к другой.
Нету ни прогнозов и ни вероятностей,
Когда они в дверь постучатся ногой.

Они приходят, вырастая словно тень,
И если даже останешься в изморе и раздоре,
Пусть они приходят каждый день,
Чем один раз случится горе.

Неразменный

С экрана сладко лыбится плейбой,
Снуют как тараканы зазывалы,
А у нас всё те же запевалы,
И годами не кончается запой.

Время от аванса до получки
Становится порукой круговой;
Антигерой – в кольчуге нескончаемой трясучки,
Зачморённый злодейкой судьбой.

Дайте мне кредит без поручительства,
И я разрушу новый Вавилон,
Легко побью рекорды сочинительства,
Вброд перейдя холодный Рубикон.

А тут меня удавкой душит домострой,
Это от него трясучка и изжога.
Не отнимут грошик золотой
Даже скользкие объятья осьминога.

Пусть я буду нищим, пусть буду побираться,
Но земле своей не изменю,
Потому что не умею убежать или сдаваться,
А если надо, в судный день собою заслону.

Я сотворён из праха моей родной земли,
И пусть даже не мерещатся обжорство и покой,
Я не хочу другой судьбы,
Моя земля – мой неразменный грошик золотой.

Никому и ничто

Я живу, чтобы бежать,
И там, и тут, и сам в себе;
Я ем, чтобы мелькать
Целый день, как белка в колесе.

Я по-другому не умел существовать,
Мне надо быстро-быстро проскочить,
Чтобы никого не узнавать,
И чтобы не чернить, но и не хвалить.

Главное – нигде не тормозиться,
Чтобы никому не помогать,
Но если и придётся засветиться,
Никому и ничего не обещать.

И не надо ни родниться, ни брататься:
Мне потешно эти роли исполнять,
И ни в коем случае не братья
Ещё кому-то что-то доказать.

Я ничего не замечаю мимоходом,
Быть может и вращается Земля,
И пускай кто-то будет народом,
Моё дело – всегда сторона.

Мне не надо разбегаться по взлётной полосе,
За что я сам себя и одобряю.
Я кручусь, как белка в колесе,
И всегда моя хата будет с краю.

Ничьё

Он был грузчиком в порту
И имел койко-место в общеаге,
А под койкой в дальнем углу
Держал бутылки в деревянном саркофаге.

Его очень уважали в общежитии:
Он страдальцев в понедельник похмелял,
И всех опередил в саморазвитии,
Так как правду жизни натурально понимал.

Он марксистов читал по слогам
И болел за жизнь простолюдинов,
Призывал кому-то вдарить по мордам.
В те годы каждый знал про хунвейбинов.

В те годы героические, красные и синие,
Он гегемону умел угождать,
И тот его по профсоюзной линии
В народный суд пристроил заседать.

Если всё народное, то значит суд – народный,
Вот только водку заседатель с вагонов воровал,
Но это был поступок благородный:
Он пролетариев запойных похмелял.

И они давали план на производстве,
Это был шизофренический интим,
Где у грузчиков в порту и в большом руководстве
Всё было народным, а значит ничьим.

Обязательства

Тем, кто побеждали в соц. соревнованиях,
Давали продуктовые наборы под заказ,
Снимали предыдущие взыскания,
И кто-то даже получал путёвку на Кавказ.

А ударники любой из наших пятилеток
Были главными героями в песнях и стихах,
Важными персонами праздничных заметок
И даже заседали в народных судах.

Соревновались стеклодувы и писатели,
Главрежи и скупки вторсырья:
У всех в стране должны быть показатели
Блескучие, как рыба чешуя.

И всё должно копиться в закромах —
От героических романов до одеколona.
У нас везде масштабы и всегда размах,
И все расчёты только с миллиона.

Мы каждый день чего-то исполняли,
Но всё равно всегда были должны.
Мы каждый год кого-то догоняли,
Но никто не видел финишной черты.

Шахтёр киркой грозитя из застоя,
Но завтра он блеснёт мировоззрением,
И все строем пойдут без конвоя
К новым великим свершениям.

Отступники

Мне чудится, что всё уже в огне,
И чёрный пепел липнет на глаза.
И всё вокруг, как будто не в себе,
Адские вращают вертела.

Толпа под нос бубнила односложно,
Дети плакали и жались по углам,
Один пытался вешаться и кричал истошно,
Что «своего ни метра не отдам».

Он повесился и был, конечно, прав:
Там неведомы сомненья или страх,
Где заверяли нравственный устав
Печатью сапога на земляных полах.

Тут хорошо, в отеческих гробах,
Их с избытком даже для гостей,
А похороны в наших собственных руках,
Потому мы всех умнее и сильнеей.

Колем себе профили вождей
И кому-то зубы заострили,
А тех, что были против правильных идей,
Уже по приговору оскопили.

Кто не ищет искупления грехов,
Тот воем заявляет о себе,
А в этой какофонии утробных голосов
Лишь один молился при свече.

Отчаяние

Всегда среди бесспорного и спорного
Кто-то свои пропихает интриги,
И мало кто бежит от поражения позорного,
Заковав себя в железные вериги.

Фаталисту всё равно – что холод, что жара,
На него везде расставлена облава,
А в любом колодце мёртвая вода,
И везде подсыпана отрава.

Он матерился с пеной на губах,
Он пробовал топиться и уходить в запой,
Болезнь и вопрошать на разных языках,
И пристально следить за большой Луной.

Никак себя не видя больше в жизни,
И погрузившись в логику масонскую,
Он страстно утвердился в атеизме
И строил свою башню Вавилонскую.

Он сотворял свое столпотворение,
От плевка до самопохвалы,
Выдавая бред за просветление,
А самомнение – за перст всевидящей судьбы.

Его подвесили на тонком волоске
И сразу поменяли все ландшафты.
Да, его заживо сварили в кипятке,
Когда за аморалку не взяли в космонавты.

Позиция

Только та позиция надежна и верна,
Которая поможет лучше приспособиться,
Чтобы подгрести только под себя,
И чтобы скопидому уподобиться.

Ты гордишься тем, что у тебя своя позиция,
И ты как-то сумел себя убедить,
Что твоя паранойя и есть интуиция,
И что её надо лелеять и чтить.

Ты всегда хотел быть однолюбом,
Но, по-честному, не очень получалось,
Как и называться правдолюбом
Не всегда по правде удавалось.

Но зато умел хитрить за разговором
И вовремя начальству угодить,
Где надо был лжецом, где надо – прожектёром,
Ну как такого можно не любить?

Он не понимал, что такое делиться,
Но с таким любая – как за каменной стеной.
И такому уже нечему учиться,
Однако можно доверять с договорной ценой.

Каждый вправе занять свою позицию
И смотреть на мир под собственным углом,
Каждый может быть героем и мокрицей,
И для каждого свои Гоморра и Содом.

Только у них

Когда у вас не очень получается
Определить кто прав, кто виноват,
Когда не все известны обстоятельства,
На каждого участника ищите компромат.

Тот – старшему по возрасту пальцем пригрозил,
А в пионерский костёр плеснул керосина
И государственный субботник однажды пропустил
Без понятной уважительной причины.

Другой – собак бездомных прикормил,
И они за ним ходили по пятам,
А ещё голубя подбитого лечил
И всех кошек различал по голосам.

А тот однажды на уроке хохотал
Над тем, что баба мужичонку понуждала.
Получалось, он классический сюжет критиковал
И желал себе другого идеала.

Другой, вопреки конституции,
Добивался прав для брошенных животных
И сочинял какие-то инструкции
Для сохранения отряда земноводных.

У обоих намеренья грешны и не нормальны,
Потому нет сомнений и неразберих,
Лишь законы коллектива идеальны,
И потому вся истина – у них.

Туман

Облака плывут, а туманы стелются,
Может быть, кому-то больше повезло,
Но нам уже совсем ни во что не верится,
Нас не туда, наверно, занесло.

Кроют облака пики и вершины,
И там всегда всё в сладких миражах,
А туманы забиваются в щели и низины,
Где всё одно – что совесть, и что страх.

Тут всё равно – что далеко, что близко,
Всё расплзается и тонет в пелене,
И нету высоко, и нету низко,
И всё приходит будто бы извне.

Тут, в толпе, ты – жертва на закланье,
А в одиночестве – палата номер шесть.
Тут растворилось и раскисло сострадание,
И не для них уже благая весть.

Вдыхая туман, духоту выдыхаешь,
А реальность – где протянутые руки.
И сам не шевелись: других перепугаешь,
Ведь где-то рядом затаились жуки-пуки.

Облачко плывёт, а туман расстелится,
Одно не ляжет, а другой не полетит.
И кто это сказал, что ноль на всех не делится,
Когда на всех один иммунодефицит?

Целая наука

Раньше был грабёж, теперь экспроприация,
И всё это прописано на гербовой бумаге.
А тем, которые забыли, что есть субординация,
Промоют мозги как лапшу в дуршлагае.

Начальство к себе требует почтения,
Невзирая на изгаженный мундир.
А к тем, кто будет прятаться из страха и сомнения,
Явится булгаковский мессир.

В облака возносится элита
И лепит свои Храмы из фанеры,
Но мавзолеи они строят из гранита
В месть своим традициям и веры.

У подхалима свои песнопения:
Когда сохнет на губах сладкая отрыжка,
Это самые большие капвложения
И самая надёжная сберкнижка.

Непростое дело – умело прислужить
И чувствовать себя миллиметровым,
Но если устыдишься бедным быть,
Тогда становится не стыдно быть дешёвым.

Уменье распознать и тут же угодить,
А восхищенье возвести до эпатажа,
И при этом все желанья упредить
Подвластно только мастерам подхалимажа.

Шепчут

Её гнобили за сомнительные связи,
Пытаясь побольнее укусить.
Их трясло в общественном экстазе
Её к позорному столбу приколотить.

Спрятав по карманам свои испражнения
И широко разинув рот,
Тусуются ревнители правил поведения
У тех самых поганых болот.

Паутина на ветру матерно ругалась,
И лозунги орали в предвыборном угаре.
Босота с участковым огрызалась,
Как всегда, не вытянув в базаре.

Пока на косолапого патроны заряжали,
С рогатки застрелили воробья,
А малолетки всем назло озоровали,
Козырьки надвинув на глаза.

В скворечнике гадюки поселились,
Скворцы на проводах теперь бомжуют.
Куда-нибудь бегите, если оступились,
Или вас на площади линчуют.

Выглядит реальность как-то неопнятно,
Поганые болота расцветают мхами.
Но рядом шепчут тихо, но понятно,
Что тебя мусолят грязными руками.

АКТИВИЗМ

Активисты собираются в отряд,
А отряд вливается в колонны.
Конечно, впереди народный депутат;
Это наши батальоны самообороны.

Обманутые дольщики проходят вдоль трибуны,
У них свои речовки и наряды.
Они помнят уроки Парижской коммуны,
А в почётных ложах жмутся шелкопряды.

Граждане активные вешают плакаты.
Быть может, это банковские вкладчики,
Которых истязают проценты и магнаты,
А, возможно, это просто бухтосмазчики.

А футбольные фанаты активны по сезону,
Но у них всегда сухие пороха.
Они повдоль трибун настроят оборону,
И от воя вздрогнут города.

ЛГБТ-активные состряпали меню
И в ночное время торгуют мармеладом.
Целлюлитную толкают размазную,
Зато под очень сочным маринадом.

Уж очень разноцветным бывает активизм:
Красным, чёрным, голубым,
Но, по большей части, это артистизм
С предсказуемым итогом нулевым.

Почётный

Есть почётный инвалид и почётный мизантроп,
А кому-то вечно числиться в подвигах.
А если ещё и плохой гороскоп,
То, значит, будет точно в неликвидах.

Он уже совсем не мог ходить
И числился почётным инвалидом,
Но он тайну не смог сохранить,
Что «Титаник» жизнь закончил суицидом.

А за то, что бесов не пускали на постой,
Они теперь на нас идут войной,
Чтобы крови человеческой досыта испить
И род людской под корень истребить.

Сказал, что загорится новая Звезда,
И обезьяны станут в загсах сочетаться,
А заехав в наши города,
Будут потихоньку обживаться.

Луна перевернётся тыльной стороной,
И мы опять придём к отметке нулевой,
И станет ясно, что пришельцев не бывает,
И мы свой новый дубль отыграем.

Это нашей жизни квинтэссенция,
И такого не расскажет каждый гоминид.
А у него не может быть деменция,
Ведь он – не просто, а почётный инвалид.

Прадедушки

Кому-то видятся во сне золотые горы,
А кому-то снятся залпы крейсера «Авроры»,
У кого-то обнаружили триппер и чесотку,
А кто-то задарма хлебает водку.

Говорили, что прадедушку бросила жена,
Отчаянная модница и сплетница;
Вроде как интригу тёща заплела,
Надюшке Крупской полная ровесница.

А вот без всякой лишней мишуры
Врага народа допросили;
К нему были снисходительно-добры,
Когда лампой Ильича голову разбили.

«Землячка» на холодное сварила языки,
Стервятники кишками обжираются,
А на Путиловском заводе мужики
Теперь рабочим классом называются.

Из ближайших семи деревень
С наострѣнными ушами, как у зайца-русака,
Словно на закланье тащились ходоки,
Чтобы посмотреть на Ленина-отца.

Домоуправ уже неделю похмелялся,
Очумев на «Жигулёвском» пиве.
Он подолгу матерился и кривлялся,
Глядя на картину «Дедушка в Разливе».

Приз

Налейте мне похлёбку из фасоли
И плесните в кружку чемергиса:
Я сегодня первый день на воле
И пока не заслужил другого приза.

Мне бы только не забыть адресок заветный,
Пусть там меня положат на самый край карниза.
Я возрастной и не эффектный,
И пока не заслужил другого приза.

На природе моего происхождения
Не было наклеено акциза,
И на меня смотрели без грамма сожаления,
И я пока не заслужил другого приза.

Явно я не узник замка Иф,
Зато она – из звёзд стриптиза.
Я, конечно, недостаточно красив
И пока не заслужил другого приза.

А если я для них обычный шарамыга,
И меня поселят в роли блюдолиза,
А я и сам-то для себя как поп-расстрига
И пока не заслужил другого приза.

А может и не надо никакого приза,
Похоже, меня верно дожидался только новый срок.
Пусть лучше не будет сюрприза,
И я жизни за это скажу очень большое спасибо.

Сдоба

Он умел длинно, но без смысла говорить,
А она совсем без голоса песни исполняла,
Это им и помогало вместе жить,
Это их мирило и равняло.

Они с этого умели зарабатывать:
Он читал доклады, а она на сцене шум производила.
Он умел глаза трагически закатывать,
А она где надо булками светила.

Он уже трижды переназначался,
И она тут очень помогала.
Он её любил и не ругался,
Когда она где надо булки раздвигала.

Но их тихо-тихо поджимали,
Как-то незаметно появился новый стиль.
Кого-то уже свежей сдобой угощали,
А их везде списали на утиль.

И распался брак равных возможностей,
И пропала вера в чудеса,
Не поперхнувшись, проглотила двух ничтожностей
Закулиса мирового зла.

Если были равные возможности,
То каждый получит сполна:
Не выживают правила надёжности,
Если муж и жена – одна сатана.

Тайное

Он живёт по программе защиты свидетелей
И засекречен с самого рождения,
И по режиссуре благодетелей
У него секретные манеры поведения.

Кого ищут, обязательно найдут,
И до последней нитки могут обобрать.
А его уже забыли, как зовут,
Когда он просто вышел погулять.

Он гулял в бронежилете,
А любопытные друг другу сопли подтирали
И говорили комплименты в казённом кабинете,
Но про тайный договор ничего не знали.

Может быть, его и не было совсем,
И не надо было ни рожать, ни хоронить.
А те, которые застали время перемен,
Не все его умели пережить.

Вопросы без ответов, загадка без отгадки,
А хочется большого перероста,
Но всех, кто это хочет, колотит в лихорадке:
Жить в эпоху перемен совсем не просто.

Все надежды – на таинственные списки,
Где записан вердикт оправдательный,
Но мы очень обожаем свои риски,
Поэтому и образ бытия будет собирательным.

Толкотня

Спорим, я тебя сильнее?

А спорим, я быстрее?

Но всего важнее было, кто кого смелей.

Так рассуждала юность далёких наших дней.

А потом про смелость стало и не слышно,

Никто уже не выяснял, кто кого смелее и кто кого добрее,

Теперь было богатым стать престижно

И в расчётах быть циничней и умнее.

Проскакали годы, как шарик по рулетке,

Раздав кому объедки, а кому конфетки,

И левый беспредметный разговор

Переходит в застарелый спор.

И не важно, кто смелее, а кто злей,

И уже не спорят, кто богаче, а кто злей,

И они выпаривают истины вторичные —

У кого престижнее анализы больничные.

В чём подагра злее геморроя,

И почему всё обостряется после перепоя?

И как жить в этом мире продажном,

Им подскажут в суде арбитражном.

Намалевали на стене два красных мухомора —
Это вроде как дружеский шарж;
Они вначале испугались форс-мажора,
А сейчас опять готовы на демарш.

Часть III. Кто-то

Кто-то

Когда тебе чего-то не хватает,
И уже не веришь ни клятвам, ни слезам,
А скорость времени тревожит и пугает,
И кто-то тебе скажет: оглянись по сторонам.

Когда не спится тёмными ночами
От осознания, что по чужим идёшь следам,
И ни во что не веришь, что не трогаешь руками,
И кто-то тебе скажет: посмотри по сторонам.

Когда противно руку протянуть,
И ничего уже не видишь по глазам,
И нет желанья в душу заглянуть,
И кто-то тебе скажет: оглянись по сторонам.

Когда бегаешь по замкнутой кривой
И вынужден платить по чужим долгам,
И уже вроде сам себе чужой,
И кто-то тебе скажет: оглянись по сторонам.

Когда-нибудь прозреешь и поймёшь,

Что жизнь – не то, когда ни вам, ни нам,
Восстанешь и своим путем пойдешь,
И кто-то тебе скажет: оглянись по сторонам.

Когда окажется, что жребий уже брошен,
И краток миг от повезёт – не повезёт,
А выбор глуп и не роскошен,
И тот кто-то чашу с ядом мимо пронесёт.

Во искупление грехов

У неё были всякие поклонники:
На чёрных Мерседесах и Порше,
Приблатнённые и просто беззаконники —
Все те, которые живут на кураже.

Она была в эскорте продажных депутатов
И жила со старой лесбиянкой.
Её имела группа меценатов,
Где её хотели сделать нимфоманкой.

Она была в стриптизе на дальних берегах,
Её путали ремнями и разрывали рот.
Она всё потеряла, в том числе и страх,
А тут как будто замуж приглашает какой-то идиот.

Он был прикрыт непонятной хламидой,
И было видно, что всё время голодал.
Он её увидел где-то за витриной
И теперь неистово страдал.

Она не знает страха кулаков,
Но этот человек её пугал, когда сказал,
Что в искупленье от грехов
Для него, Блаженного, Господь её послал.

Она, его увидев на своём пути,
Будто повстречалась с собственной судьбой.
А те, кто взгляда от него не отвели,
Друг другу шептали, что рядом Святой.

Вчера и завтра

Мне крикнули из будущего: сильно не спеши,
И, наоборот, из прошлого торопят.
У меня перед глазами миражи,
И я боюсь, они меня угробят.

Вон он, из прошлого школьный звонок,
Он звенит страдальчески протяжно.
И твои белые банты наискосок,
А мне почему-то тревожно и страшно.

Меня прошлое толкает к выживанию
В каждодневной беспросветной суете.
Оно там откуда-то знает,
Что я не остался верен мечте.

А будущее – тайна без разгадки —
Без предупреждения заглядывает в дверь
И твердит, что если делаешь, то делай без оглядки,
А ему попробуй не поверь.

Оно всегда из сумрака глядит
И каждому свои сигналы посылает.
Оно не суетится и праздно не спешит,
И никого спешить не заставляет.

У каждого свои запасы жития,
Но мы на сцене одного театра,
И уже не помним, что было вчера,
И не представляем, какое будет завтра.

Выбор

Он казался очень перспективным,
Выгодным, широким и красивым,
А ещё по-голливудски эффективным,
И, конечно же, во всём благочестивым.

Она ночи не спала: боялась, уведут,
Завистницы на пятки наступали.
Ей самой хотелось съесть этот грейпфрут,
Но, оказалось, все завистницы давно с ним переспали.

Она была тропической жарой
И одновременно холодом полярным,
А он уже не очень молодой,
Но с золотом, хотя и самоварным.

Он думал, что его накормит красота,
И смотрел на неё, умирая от голода.
Он мечтал быть покорённым навсегда,
Но она уже обслужила полгорода.

Противно сидеть взаперти
И тем, кто ищет выгоду, и тем, кто утешения,
Но прежде, чем решиться куда-нибудь ползти,
Оставьте хоть немного места для сомнения.

Жизнь много разных предложит дорог,
Тысячу соблазнов и Благую Весть,
И ты сам себе напишешь эпилог,
Так как выбор всегда и для каждого есть.

Жертвоприношение

Беленький ягнёночек, как облачко небесное,
Создание прелестное и нежное,
Без единого пятна и прегрешения,
Потому и выбрано для жертвоприношения.

А ты уже своими ножками пошёл
И свой первый узелок ручками расплёл,
А каждый день стараешься ускориться —
Это в тебе уже взрослый хорохорится.

А рядом мама, как добрая фея,
И папина крепкая шея.
И ты не младенец, но ещё ребёнок —
В старый мир пришедший новый ребятёнок.

Ты ещё дитя природы,
Но немного утечёт воды,
И дни перестанут быть добрыми сказками
И окрасятся обеденными красками.

И много будет разных перекрёстков,
Узких тропок и торжественных подмостков,
Но свою дорогу глухой и незрячий найдёт,
Если она к Храму путника ведёт.

И куда бы ни манили, и что б ни обещали,
И какими бы речами уши ни ласкали,
Встань и не сойди с этого пути,
А значит, в жертву сам себя не принеси.

Знаки и приметы

Кто вдохновенья ждёт среди берёз,
Где бормочут по весне тетерева,
Те воспринимают правдиво и всерьёз
Всё, от ворожбы до волшебства.

Им не нужны ни похвалы, ни пониманье,
И им ничто не надо согласовывать.
Они священное имеют дарованье
Таинственные знаки истолковывать.

У них веер из перьев жар-птицы
И самые прекрасные пророчества
Для потерявшего себя, и для блудницы,
Во избавление от стыда и одиночества

Где любовь, там рядом полутьма,
Ведь роза не цветёт в полголовы.
Всегда измена – это горе от ума,
Но прозревают даже те, кто в забыти.

У добра своё предназначение —
Оно укрощает стихийные бедствия,
А зло – это всего лишь изречение,
А точно не причина и не следствие.

За углом – цыганские гадалки и кликуши,
А вы всё лучшее скроите по приметам,
Ведь те остались за углом, а вы всегда снаружи,
И здесь в нежных чувствах доверьтесь поэтам.

Канотье

На гвозде висело канотье,
По легенде – это шляпа Шарля Азнавура,
Она учила быть хозяйкой в собственной судьбе,
А то, что происходит – всего лишь увертюра.

Она любила песню лебединую,
Цветущую сирень и колокольный звон,
Но если впадала в хандру беспричинную,
Под гитару пела старенький шансон.

Про первую весну и первое свидание,
Про последний школьный класс,
И главное в жизни – признание,
Которое бывает один раз.

Это была лирика конца шестидесятых,
Романтика костров и нежность танцплощадок,
Узеньких штанов и причёсок кудлатых —
В том времени был свой миропорядок.

Это был, конечно, городской романс
В исполнении парнишки-шансонье.
Это был из прошлого глубокий реверанс,
Как соломенная шляпа-канотье.

Сегодня целый мир в её репертуаре,
Когда она поёт, бомонд впадает в полусон;
А для себя она на простенькой гитаре
Исполняет старенький шансон.

Крылья

Пролитое шампанское пузырями пенится,
А пошлый анекдот никого не рассмешил,
Что тебе намерено, никуда не денется,
Как бы ты ни медлил или ни спешил.

Крупички золота из грязи вымывают,
Как совесть очищают от дерьма.
На белый танец дамы приглашают,
А белые крылья – всегда чистота.

На них лебедь в небесах скользит,
И чайка волну загребает,
А тот, кто сам с собою говорит,
Тот сам себя и убеждает.

Тот, кто слушает только себя,
Тот миру вопреки собою возгордится:
Он попытается жить, не любя,
А ведь только у любви и можно научиться.

Когда искали счастье и свободу,
Не смогли себя от гнева отучить.
Много будет всякого народа,
Но никто не сможет друга заменить.

Он не прекращал с собою воевать,
Но на себя рука не поднялась.
Он успел, что было, лучшее, раздать,
А нить судьбы сама собой оборвалась.

Лишнее

Тебя трясёт, как птичку-трясогузку,
И кажется – вокруг тебя дурдом,
Но ты ещё живой, ежели вприкуску:
Это только абстинентный синдром.

А когда черти полезут на стены,
И в сортире кончится записка,
Тогда заглянет к джентльмену
В гости барышня по имени белая горячка.

А этот постоянно где-то бродит,
А голове одна полифония;
Все выходят из двери, а он в неё заходит:
Тут, конечно, налицо шизофрения.

Он на прохожих девок слюняво озирался,
Здесь явно был любовный передоз.
И с диагнозом никто не колебался:
Это был хронический спермотоксикоз.

Когда ждёшь смещение полюсов,
А водку пьёшь в беспамятстве и страхе
И прячешь голову от уличных хлопков,
То, без сомненья, человек в панической атаке.

Мы себя заразили излишеством,
От того и вырождаемся в отродье;
И себя отравили язычеством,
Разменявшись на чревоугодие.

Лоботомия

Титаны-теоретики, практические лекари,
Весь штат психиатрической науки,
Вы были переученные бездари,
Пытаясь излечить душевные недуги.

А их лечили и за совесть, и за страх:
Где-то колдовали, а больше суесловили.
А тех, что непонятные, сжигали на кострах,
Или тихо, феодально, обескровили.

Вся история людей – болезненные паузы,
Не минула их и Матушка Россия,
Где строили дома с названием «доллгаузы»,
А в них и прижилась лоботомия.

Тут больше всех досталось непонятным:
Им рядом с алтарём – колода с топорами.
Отсюда выходили святыми, неопрятными,
И изросли соборными церквями.

Сейчас блаженных, как и непокорных,
В психиатрии больше не пытаются:
Теперь хватает органов надзорных,
Они «прорехи божьи» зашивают.

Как свои дела ни станешь величать,
Греха грехом не искупить.
Не будет демон бесов изгонять,
И безрукий дверь не отворит.

Любовь

Я сегодня выйду попрощаться
На всех, что существуют, перронах привокзальных,
Я хочу с земным шаром обняться,
И пусть он поведёт в ритмах танцевальных.

Всё в одну сторону до головокружения,
И всё будет повторяться снова и снова,
И распадутся века на мгновенья
Под блестящим саваном небесного покрова.

Лица, лица, лица,
Они будут повторяться вновь и вновь.
Не пытайтесь навечно проститься,
Всё равно останется любовь.

Жизнь будет вместе с планетой вращаться,
Выдыхая наши души в круговерть.
Тот, кто любил, не мог ошибаться,
Любовь – она и жизнь, любовь – она и смерть.

Она готова на войну и на закланье,
Её сжигали и пытались распинать,
Она – великий дар и наказание,
И лишь она умеет грешников прощать.

Кто не любил, не может быть спасён,
Ему ни жить, ни умереть не довелось.
Он был забыт и ей не покорён,
Так и не поняв, что это есть – земная ось.

Мечта

Всё произошло в морозный понедельник —
Повесилась заветная мечта.
Это случилось под самый сочельник
В последнюю неделю зимнего поста.

Мечта уже давно по-старчески хромала,
И когда ходила, шоркала ногами,
Сама себе под нос чего-то бормотала
И будила вздохами тёмными ночами.

Очень быстро стареет мечта,
Если о ней редко вспоминают.
Над ней каждый день глумится суета,
А те, кто отступились, ноги вытирают.

Её голой выставляют, не стыдясь,
На общую потеху, как чудную зверушку,
А потом прощения просят, спохватясь,
Поняв, что сами превратились в финтифлюшку.

Чем больше набирается греховности,
Тем меньше места остаётся для мечты:
Ведь счастье не приемлет хладнокровности,
Как любовь не принимает срамоты.

Хорошо, если мечта с вами постареет,
Но пусть не умирает раньше вас:
Она к себе прижмёт и обогреет,
Она – ваш оберег и ваш иконостас.

Может

Расправив напоказ красиво плечи,
Мы даём себе отличные оценки
И, повторяя чьи-то радужные речи,
Тащим себя от ступеньки к ступеньке.

Перестанут птицы с юга возвращаться:
Их не принудить законы соблюдать.
А если грехи перестанут караться,
Совсем некуда станет бежать.

Каждый сам с собой играет в прятки,
Сам себя на веру принимая,
А жизнь, она не любит ни прятки, ни загадки,
И порой берёт, не возвращая.

Пусть она будет безнадёжна и даже беспросветна,
Она может и простить, а может и казнить,
Но, может, она тем и интересна,
Что может приучить, а может отучить.

Жизнь, она не терпит волокиты,
И коль настало время – помолитесь.
От того, что суждено, не может быть защиты,
И я скажу любимым людям: берегитесь!

Там все правила умели соблюсти:
Кого-то в кипяток, кого-то в полынью.
А кто судьбу старался превзойти,
Не смогли сыграть даже вничью.

Набекрень

Небо не бывает пустым или полным,
Как не бывает просроченного чувства.
Пусть будет лучше изменник прощённым,
Но не будет меры безрассудства.

А небо, оно всегда снаружи,
И тайны свои умеет хранить.
А его секреты – это наши души,
Которые нельзя ни отдать, ни подарить.

Чувство – маленькая пчёлка в бесконечности
И, однажды появившись, уже не исчезает.
И в пику жизни скоротечной
Она скитается в пространстве и пугает.

А прощение измены – это чудо сотворённое,
С этим кто-то заново начинает жить.
Это – исцеление, на танец приглашённое,
Которому так хочется голову вскружить.

Измерить безрассудство – как мерить бесконечность:
Там страсть и горе под руку идут.
Всемерило – только наша человечность,
Но её, страдалицу, на конце не ждут.

На цветке сирени пчёлка замерла:

Её пугает нависающая тень.

Она думает, что смерть за ней пришла,

А это просто у меня фуражка набекрень.

Надо понимать

Мы парили над Землёй крыло в крыло,
И нам в жизни было нечего делить,
Но что-то с нами вдруг произошло,
И мы друг друга взяли хоронить.

И странное случилось расставание —
Без удивления и грамма сожалений.
У каждого имелось своё самооправдание,
Свитое, как плеть, из бреда и сомнений.

Она смотрела на меня со стороны,
Пытаясь отстоять свое истолкование,
А её слова были воинственно больны
И заходили прямо в подсознание.

Долги и запутаны мантры мудрецов,
Что на самом деле происходит с нами,
И почём цена тех жертвенных дымов,
Когда любящие люди становятся врагами?

И это обязательно когда-нибудь случится,
Но только там, где нету понимания.
Там любовь на сделку соглашается,
Становясь причиной изменённого сознания.

Чтобы полюбить, надо понимать,
И сколько бы вокруг ни вилось воронья,
Верить до конца и уметь прощать,
А верность чтобы в тягость не была.

Нам не надо

Не бывает ожидание унижением,
Так бывает, если жизнь наоборот,
Как не может быть предательство спасением,
Даже если по пути на эшафот.

Едет модница на белом скакуне,
Ей на лошади престижней, чем в Феррари.
Очень можно соло на одной струне,
Если это – скрипка Страдивари.

Неужто можно жить без страхов и упрёков,
Ни от чего не отрекаясь и себя не опозоря,
Лишь в убежище скитальцев и пророков
В знойной пустыне у Мёртвого моря?

Признания от боли и отчаяния,
Как и обещания от стыда и голода,
Никогда не превращаются в раскаянья,
Всё равно душа дороже золота.

Нам не нужны советы мудрых книг,
Когда у нас на всё свои ответы.
Нам не надо ни оков и ни вериг,
У нас корпоративные застолья и диеты.

На скамейке в сквере струнный перебор,
И листья на тропинке шушарятся лукаво.
И не получается душевный разговор,
Как-то всё выходит дрожаще и шершаво.

Не надо

Не обижайте недоверием друзей,
Любите их, как собственных детей,
Ни в словах, ни в мыслях им не изменяйте,
Но только деньги в долг никогда не давайте.

Вы им любые просчёты простите,
Хотите, им дарите, или просто отдайте,
Сумеете – поэму посвятите,
Но только деньги в долг никогда не давайте.

Если ваш друг – ваш должник,
Вы руки себе искушайте:
Теперь каждый из вас будет двулик.
Никогда друзьям в долг не давайте.

И тот, кто попросил, и тот, который дал,
По-новому друг к другу привыкайте,
Из вас каждый что-нибудь у дружбы отобрал.
Никогда к друзьям в долги не попадайте.

У соседей и попутчиков надо занимать,
И, конечно, им по срокам отдавайте,
Но вам не с ними жить и умирать.

Никогда к друзьям в долги не попадайте.

Будет много всякой кутерьмы,
Но всё должно быть с чистыми глазами.
Ничего для друзей не делай займы:
Они не могут быть твоими должниками.

Не пропусти своё

Нас стыдили кадры кинохроники
Тенями моральных реквизитов,
А мы все были идолопоклонники,
Но, может, кто-то выбрал иезуитов.

Не станьте жертвой собственных решений
И на бледного коня не ставьте ставку.
Не существует благих побуждений,
Чтобы для себя сплести удавку.

Ночью письма пишутся вслепую.
Кому Луна совсем не светит,
Они решили жить напропалую,
И кто кого искал, тот того и встретит.

Того, что не имеешь, того не растеряешь.
А сам в себя поверить не сумеешь,
Если потеряешь там, где не прощаешь.
И помни – собираешь то, что сеешь.

Золото, как люди, тускнеет и стареет,
Только оно совести неймёт;
Но и старая песня душу согреет,
Если её Высоцкий поёт.

Соловей поёт, а павлины твякают,
Но глаза в глаза лицо не рассмотреть.
Когда лягушки на болоте любовно квакают,
Тут главное – своё не просмотреть.

Не сбейтесь с пути

Превратился в красавицу гадкий гусёнок,
И трухлявый пенёк фиалками зацвел,
А я скоро подкоплю деньжонок,
Накуплю гостинцев и накрою стол.

Соберу соседей за длинным столом
И поставлю посредине медный самовар.
И мы будем говорить о добром и простом
И старых песен вспоминать репертуар.

Нам тут же на баяне подыграют,
Что на Марсе будут яблони цвести,
И про то, как детки быстро вырастают,
И их никто не держит взаперти.

Пусть только навсегда уразумеют,
Когда свои дороги будут выбирать,
Что если старость знает, то молодость умеет,
Но за свободу придётся воевать.

А на улицу Заречную опять пришла весна,
А мы тосты говорили по кругу.
Пусть мы жили от рубля и до рубля,
Нам не совестно в глаза смотреть друг другу.

И на трухлявом пне фиалки зацветут,
Когда кругом – страна любви,
И всех туда непрерывно зовут.
Только не сбейтесь с пути.

Неизбежность

Я ушёл: нельзя было иначе,
Я гнал себя куда-то прочь,
На ощупь, по-стариковски незряче,
В беспроглядную, стылую ночь.

Она, как чёрный-пречёрный квадрат,
Нависала своей беспросветностью.
Нет дорог ни вперёд, ни назад,
В том, что зовут неизбежностью.

Она без приглашения приходит,
С выдохом бездонных пропастей.
Если стены неприступные возводят,
Не оставляют даже узеньких щелей.

От неё не спрятаться и не откупиться,
В ней нельзя ни умереть и ни уснуть,
В ней можно только раствориться
И в молитве не упомянуть.

А кто пытался рваться напролом,
Желая новый начинать отсчёт,
Того ждала колода с топором
И самый окончательный расчёт.

Я ушёл: нельзя было иначе,
И неизбежность стала приговором.
А то, что в мире существует без отдачи,
Не умеет быть предметом договора.

Ни стыда, ни совести

Не замостить дорогу времени цитатами,
Там каждая судьба наперечёт.
Время не измерить победами и датами:
Оно не продается и не врёт.

Оно не проклиналило и не обещало,
Ни тем, кто усыхает, ни тем, кто расцветает.
Оно не предвещает и не убивает,
И жить никому не мешает.

Оно не господин и не товарищ,
Оно ничто не делает за вас;
Не будет арбитром военных ристалищ
И судьей с повязкой на глазах.

Это не рычаг с противовесом,
Не театральный грим и не толмач.
Оставаясь в себе, мракобесном,
Человек сам себе судья и палач.

Время не покажет, как и не излечит,
Оно не злое, но и не святое.
А ближний ближнего увечит,
Ссылаясь на время такое.

Оно не отличает совесть от стыда
И не режется на ленты и куски,
И по его щеке не скатится слеза,
Когда ты придёшь к концу пути.

Обращаюсь

В ночь на Страшную субботу. Спаситель во Гробе.

Я обращаюсь ко всем академикам
И соискателям учёных степеней:
Наконец-то помогите проповедникам
Сделать людей немножко добрей.

Пришло время, чтоб без лишних идеалов
Материалистам-физикам и разночинцам-лирикам,
Минуя сладости прелюдий и показных скандалов,
Выдать нужные ответы грязным циникам.

Пусть зло сгорит в мировоззренческой дуге,
И все забудут, что такое нелюбовь,
Когда найдут микробов в сером веществе,
От которых в жилах закипает кровь.

Я обращаюсь к звёздным докторам:
Увидеть, что настал предельный срок,
И пусть начертит график доктор Перельман,
Как пройти эпидемиологический порог.

А вдохновенная рука литературы
Пусть выдаёт рецепты на лечение,
Прекратит играть со злобой в шуры-муры
И перестанет уповать на провидение.
Пускай звонят колокола
Надрывно, ночью, вновь и вновь,
И я, в чём мама родила,
Иду к тому, кто заповедовал любовь.

Общая кухня

Слышу в струнных переборах
Песни сверстников моих.
Мы росли в барачных коридорах,
Где не было ни грешных, ни святых.

Мы на всех делили булку хлеба,
Разрывая её на куски,
Мы были дети ширпотреба,
Отцов, вернувшихся с войны.

В шкафу – плечистый плащ из габардина,
На фанерной этажерке – Борис Полевой,
Помойный запах нафталина
И за мутным стеклом мелкий дождь обложной.

Кто-то гремел рукомошкой,
А у кого-то кашель кровавой,
А у крыльца прощались с покойником
Под нескладный оркестр духовой.

Тот был в чистой гимнастёрке без погон,

На то, наверное, была своя причина
Всё вокруг – как будто страшный сон,
И всё тот же запах нафталина.

На общей кухне варят кутю,
На ходиках уже почти что два,
Я вроде как живу и вроде бы как сплю,
Такая наша общая судьба.

Огонь и любовь

С неба луна глядит не моргая,
Девушка на скрипке сама себе играет,
Всё замерло от края и до края.
Это о любви, но человек такой любви не знает.

Гений в хрупком женском теле,
На скамеечке у клумбы георгинов,
Обойдя все каньоны и мели,
Добрался до музыки джиннов.

Лето разгоняется грозами с дождями,
И каждые сутки длинней и длинней.
Я вдруг узнал, что это написано вами
В жёлтом свете ночных фонарей.

Огонь на Землю боги принесли
Во имя понимания и счастья,
Но и они не всё понять смогли,
На Земле хотели самовластья.

Однажды из любви огонь украли,

И в ней остались только намерения,
Как украшение собственной морали
И надуманные чудные мгновения.

А та любовь пришла из смерча и огня,
Но был нарушен с Богом договор.
И любовь была расчленена,
А она её собрала в струнный соль мажор.

Одиночество

Там, где горизонт сливается с Землёй,
Ничего не надо объяснять;
А если разговор, то лишь с самим собой,
А себя уже давно не стали понимать.

Наезжает лодка на галечную россыпь,
Ветерок качает метёлки камыша,
И я по мелководью и почти на ощупь
Приближаюсь к силуэту шалаша.

Трескуче разгорается костёр,
И сушатся намокшие штанины.
Возможно, мир коварен и хитёр,
Но, наверное, на то свои причины.

А лица друзей, словно пятна на Солнце:
Гипер далеки и уже неразличимы,
Они, как звёзды, отраженные в колоде —
Иллюзорны и недостижимы.

Забурлила в чайнике вода,

И, согласно древнему пророчеству,
Если ты уходишь в никуда, означает,
Что ушёл учиться одиночеству.

Ночная бабочка уселась на рукав
И, исполняя непонятный ритуал,
Мне говорила, крыльями дрожав,
Чтобы я от одиночества бежал.

Она с тобой

Меня настолько измочалила дорога,
Что я забыл конечный пункт пути.
Я хочу передохнуть совсем немного,
С силами собраться и идти.

Сердце билось, как блокадный метроном,
Ноги гудели что трубы библейские,
Я уже полмира обошёл пешком,
Изживая манеры лакейские.

Дорога – это время размышлений,
Ведь приходится идти с закрытым ртом,
А мысли, они против впечатлений,
И принуждают жить своим умом.

На пыльную дорогу капают дождинки
И тут же испаряются в полуденной жаре.
Здесь с самим собой проводят поединки
И ставят знак вопроса между точкой и тире.

Когда лакейство превращается в привычку,

То всё остальное – само по себе.
Тире превращается в кавычку,
А точка лишь в иллюзию в судьбе.

Не бывает истина дорбо́гой достижима,
И она не может быть ни сложной, ни простой,
Она как целый мир необозрима,
И в то же время она всегда с тобой.

Она

Она была опутана страстями,
И они её душили, как удавы.
Она жила между бесстыдством и долгами
В ожидании заслуженной расправы.

В своих страстях она была безгрешной,
Как шулер в нечестной игре.
Она была живой и неизбежной,
Как всё, что появляется извне.

Она могла сверкнуть дневной грозой
И к кому-то в жизнь зайти, не постучавшись,
Город осветить в темени ночной
Или просто так уйти, не попрощавшись.

Она улыбкой свечи зажигала,
Но не умела чем-то восторгаться.
Она ни зла, ни добра не желала
И не знала, что такое унижаться.

Она искала и приобретала,

А, не ощутив ни радость, ни гнев,
Потом ставила на всё и теряла,
Ни разу ни о чём не пожалев.

Она в жизни ни к чему не привязалась,
От чувств всегда стараясь быть вдали.
Она как все, наверно, ошибалась,
Но, Господи, пожалуйста, её Благослови!

Опять!

Над горизонтом пыхают зарницы,
А собаки как сирены стали завывать.
Кто свои сомнения не спрятал за божницами,
Тот не понимает, что можно ожидать.

Опять с разверзшихся небес
Его везёт ушастая ослица,
И на Земле начнётся новый антропогенез,
И Он опять для нас оставит право оступиться.

Оставит право человеку выбирать,
В чём и смысл задуманной породы:
Здесь каждый сам обязан понимать
Масштабы и рельефы собственной свободы.

Мы опять начнём друг другом помыкать,
Клясться чем угодно, лгать и унижаться,
Обезумев, вешаться, судить и воевать,
И опять из века в век перерождаться.

От распаханной земли до голубых небес

Бывает расстояние меньше чем мгновенье,
Но на всех хватает фантазий и чудес,
Когда не подневольно самовыражение.

Но опять кто-то выберет старые песни,
За веру принимая ересь и подлог,
Опять проголосуют за законы мести,
И человечество напишет тот же эпилог.

Открытое окно

Отраднo мне, что на дворе в разгаре лето,
Что под карнизом свила ласточка гнездо.
Утро, потихоньку гаснет сигарета,
И где-то у соседа плачет малое дитё.

Тянет свежестью с открытого окна,
Это дышит предрассветный силуэт.
У нас такие правила были всегда:
Кто проснулся раньше, тот и есть поэт.

Скоро каждая пичуга на свой лад заголосит,
Отряхнётся бабочка от капелек росы,
Она в воздухе исполнит утренний кульбит,
И в шёпоте появятся басы.

И день придёт – распределитель обязательств,
Он будет и великий, и будет незаметный,
Но каких бы ни случилось обстоятельств,
Этот день не будет беспросветным.

Кто умрёт, не успев повиниться,

Те, значит, ничего не обещали,
Но те, кто сумел с судьбой примириться,
Те точно её руки целовали.

Выдыхает лето аромат цветов,
И пчела танцует на синем васильке.
Прошу, не вспоминайте страшных снов
И не ищите истины во тьме.

Повторение

Когда-то эти ставни наглухо закрыли
И задвинули засовы на дверях:
Отсюда по этапам развозили
Искупать вину в советских лагерях.

Ставни покосились, засовы проржавели,
Прогнила и осыпалась соломенная стреха,
А в приступке на крыльце та же музыка скрипела,
Что вроде сумá никому не помеха.

Они себя нашли в научном коммунизме
И не нуждались в Божьей благодати,
Они жили в новом реализме
И верили в мандаты и печати.

В паспорте прописка и маршрутный лист,
А тех, что были раньше, спрятали в архивы.
На кремлёвской сцене новый реалист,
И всех опять сгоняли в коллективы.

Ставни закрывают, засовы задвигают,

Почувствуйте великую радость принуждения.
Всех снова в те же сани запрягают,
Ибо нет учения страшнее повторения.

Что угодно может отражать
Медный Крест и блеск заплаканных очей,
Но если вам отвратна Божья благодать,
То, может, вы не человеческих кровей?

Поиск

Наберу с собой в дорогу шмурдяка,
И в самом дешёвом вагоне
Уеду от вас навсегда,
Сам себе наигрывая блюз на саксофоне.

Не пробуйте искать меня по следу,
Я и в Москве, и в пещере Лейхтвейса,
Ну, а если к вам в гости заеду,
Встречайте меня с цветком эдельвейса.

Он и есть легенда жертвоприношения,
И песня страсти во имя любви.
Это цветок моего притяжения
К нежелающим жить взаперти.

Я искал их, как задиристый щенок,
Который ждёт добра и ласки,
Как ждёт богоявления пророк,
Как заблудший ждёт подсказки.

Я их любил совсем без разрешения

И доверял без страха и сомнений,
Я сам душой разделся без всякого смущения,
Но только сном меня сморило от этих ощущений.

Но если меня соловьи не добудятся,
То, значит, я умер во сне;
И если надежды не сбудутся,
Меня будут жарить на адском огне.

Цена

Её на юг в королевство Таиланд
Вроде как за стильными покупками
Увёз какой-то местный коммерсант
С томными глазами и пухленькими губками.

А он двинул поклониться Храму Воскресенья
И, чтобы Гроб Господень облобызать,
Он искал совета и прощенья
Там, где учили любить и страдать.

Она коммерсанта кормила стриптизом,
А он её лизал кокосовыми губками;
Для неё казались суперпризом
Бумажные пакеты с дешёвыми покупками.

Когда монахини звонят в колокола,
Солнышко восходит над Святой Землёй,
А продав меня за сумку барахла,
Ты голая в прибое блещешь чешуей.

Каждый утешается как может:

Кому-то надо власть, а кому – стероиды,
Но рано или поздно сердце занеможет,
Если мы не просто гуманоиды.

Нас всех рожали во грехе
И учили жить на собственных приметах,
А тебя купили по цене
Шмоток в бумажных пакетах.

Чего творим

Сделаны звонки, розданы визитки
И проработаны приветственные реплики,
Вяжутся в букеты маргаритки
И урезонены нытики и скептики.

Благородно и приватно
Прошуршали лимузины,
И только не совсем понятно —
То ли это похороны, то ли именины.

Там, где балдахины, должно быть и тризне,
И надо приходить, если позовут,
Ведь память – как туман в современной жизни,
Не приедешь сам – силой привезут.

А если именины, то, значит, маскарад,
И тут ни от кого не увернуться,
Никто тебя не спросит: ты рад, или не рад?
Здесь очень важно телом извернуться.

А в тризне в куче похороны с именинами,

Где на углях погребального костра
Пляски до упада под разными личинами,
И где дерётся каждый за себя.

Говорят, не бывает печали без радости —
Мы их сжигаем, а сами горим.
Нам, наверно, не хватает самой малости,
Чтобы, наконец, понять, чего творим.

Чужая душа – потёмки

Мы встретились среди живого мира,
Но ни одной травинки не измяли,
Нас не пугали трагедии Шекспира,
И романтические вирши вдохновляли.

Когда горизонт в куполах золотых
Венчает небесные Храмы,
А у нас – два венка полевых
И кадило курит фимиамы.

Душа была омыта и чиста,
Нас будто только что достали из купели,
Нас ещё реальность не нашла,
И яблоки раздора не созрели.

А сегодня – это мы или не мы,
Как были в ту, первую, встречу?
Сегодня всё – с обратной стороны,
И я сам себе во всём противоречу.

Потерялось ощущение бессмертия,

И пропал восторг прикосновений,
Пропала целая эпоха милосердия
И колдовские запахи мгновений.

Много можно в жизни потерять;
Для нас разные готовят панорамы.
Никогда не надо о страхах забывать,
Ведь любовные романы – это тоже драмы.

Это я

Я много в жизни чего повидал,
Вот только богатств не нажил,
Но всё, что хотел, себе доказал,
И свою цену за всё заплатил.

Я себя сам всегда узнавал,
Хотя и блуждал в миражах.
Жаль, что много любимых людей потерял,
Пройдя мимо них впопыхах.

Меня когда-то тоже ждала мама,
Сидя на скамеечке в ветхом шушуне.
И всегда повторяю упрямо:
Нет крови человеческой на мне.

Мне чудится: вот-вот я что-то угадаю,
Верно, мне хочется друга обнять.
Я, наверно, ничего не понимаю,
Разучившись любить, научился прощать.

Я бы поднял упавшую с неба звезду

И закинул её в глубину небосвода.
Пусть я много уже не могу,
Зато я узнал, что такое свобода.

Все ошибки – это моя личная судьба,
И пусть Солнце к закату кренится,
А потом будет вечная тьма,
Я иду за всех живых и мёртвых помолиться.

Антимир

У нас история – история болезней,
Воспалений и горячечной тревоги.
А цари – один другого злее и помпезней,
Но зато у нас всегда свои дороги.

Мы пролезли сами в зазеркалье
В поисках окольного пути.
Мы свои придумали устав и заклинанье,
И их пытались выше неба вознести.

Но это не проклятье и не сглаз,
Это мы проснулись в антимире,
Где предложили гадить в белый унитаз,
А не в деревянном покосившимся сортире.

Нас уложили в прокрустово ложе
И учили жить наоборот.
Нам сменили и кожи, и рожи,
И теперь каждый непосеянное жнёт.

Стали левые и правые счастливыми,

И жизнь у них теперь, как сладкий сон.
И под этими понятиями лживыми
Окончательно распалась связь времён.

Когда не нужно ни прощения, ни чуда,
Только важно, в какой идёшь сортир,
Сквозь игольное ушко не протащить верблюда,
А служение Мамоне и есть тот самый антимир.

Попроси

Не успевали колотить гробы,
Когда списками писались некрологи.
Уже разрушены последние мосты
И не осталось не заплёванной дороги.

Водка из фляжки хватала за глотку,
За отца и сына гвардейского полка.
И пусть любую исполнят чечётку —
Неуязвима честь фронтовика.

Пусть на грязной небритой щеке
Солдат не заметит слезу,
Он пишет детям и жене,
Чтобы они прокляли войну.

В артиллерийские стволы дует Сатана —
Учредитель всех идеологий.
Кому война как мать родна —
Те и сочинители новых мифологий.

А те, кто пишут книги про войну,

Смотрят на неё новыми глазами.
А что такое жизнь, когда она в аду,
Расскажет интернат на Валааме.

Парад и фейерверки пропусти,
Помолись за них и отслужи,
И о самом главном Бога попроси —
Чтобы не было болезней и войны.

Про правду

Не надо напрягаться мир изменить,
Лучше себя сохраняйте.
Не пытайтесь всё зло победить —
Свою чашу донесите и не расплескайте.

Если с вами распрощались, не стоит догонять,
Надо забыть навсегда и даже встреч избегать.
А если простили, не помните зла,
Чтобы от тоски душа не умерла.

И не надо подавать, если не попросят,
И ни в чём не признавайся, пока не допросят.
У утраченных надежд искусанные губы,
Но надежды при этом всё же жизнелюбы.

А те, кто не умеют надеяться и ждать,
Не пугайтесь, если вас самих сумеют потерять.
А дружбу берегите зорче, чем себя,
С верными друзьями у вас одна судьба.

Выйдите весной на разливы рек,

И мир увидит, что есть человек.
И помните, что горе не беда,
А жизнь, она всегда только одна.

И говорят, что правда всегда тоже одна,
И тут же говорят, что она у всех своя,
Но вы не очень слушайте о том, что говорят,
Ведь паникеры вряд ли кого-то удивят.

Сила и красота

Не тот силён, кто плакать не умеет,
А тот, который может сострадать,
Который в мёртвом холоде согреет
И не даст никому унижать.

Не тот, что никогда не ошибался,
Будет истинную правду изрекать,
А только тот, что никогда не продавался,
Имеет право людям предрекать.

Когда красивость выставляют напоказ,
На витрину, как произведение,
То только подвиг без угоды и прикрас
Есть пример бессмертного служения.

И что бы кто ни говорил,
Что суждено – не оборвётся.
И если он по-настоящему любил,
То и с того света отзовётся.

Пусть обнимет сила красоту

И над стихией в вальсе закружит,
И, поклонясь распятому Христу,
Они увидят, что им мир принадлежит.

Не покушайтесь на земное притяжение,
Мы все на ней в приливах и отливах.
Пусть никогда не кончатся сомненья,
А что мы были, пусть запишется в архивах.

Сказано

Он читает СМСки с телефона,
Прикрывая ладонью экран,
А я читаю притчи Соломона
И понимаю, что всё – самообман.

Из тени приходят и с тенью уходят,
Сегодня огонь, а завтра зола.
Те, кто искал, ничего не находят,
Ибо всё вокруг – только маета.

Для тех, которые умеют умно врать,
Им тоже жизнь – сплошной туман.
Если даже и получится что-нибудь урвать,
То это всё равно в чужой карман.

Ничто не измеряется поступками,
И ни с кого ничто не взять;
Вы только всё запутали уступками,
Спутав время врачевать и время убивать.

Не ищи на Земле правосудия,

Пытаясь быть разумным существом,
И в нескончаемом потоке словоблудия
Срам не прикроешь фиговым листом.

Нету карликов, как нету и титанов,
И никому своих камней не подобрать,
А в гробу не делают карманов,
Есть только время жить и время умирать.

Скиталец

Если все твои попытки – не просто голый понт,
Значит, разбежавшись, прыгни высоко.
А коль ушёл, иди за горизонт,
Где нет ничего твоего.

Не бывает исполнителя желаний,
Который ждёт смиренно где-нибудь в теньке,
Бывает страх от встреч и радость расставаний,
И строчки из слов, как следы на песке.

Может, это идёт исполнитель желаний,
А может его травят по следам.
Если он не мастер слёзных оправданий,
То, значит, ищут по надуманным долгам.

Он – наживо отрезанный кусок,
И бредёт, сам не зная куда.
Это на лезвии кинжала прорезан кровосток,
А у него в поводырях лишь солнце и жара.

Погружаясь в миражи и полусон,

Он наблюдал, как жалом на песке
Для него рисует карту скорпион,
Которая ведёт к живой воде.

Всегда было много небесных посланцев,
Предсказанных святыми и пророками,
А сколько их ещё падёт, скитальцев,
В борьбе с духовными пороками?

Сытая душа

Можно во все стороны податься,
Но Солнце всегда на Востоке восходит,
А душа должна свободою питаться,
Если ум за разум не заходит.

Где есть разум, там есть сила воли,
Но не разделить на равные пропорции
Смеющихся от радости и плачущих от боли,
Потому что раньше разума рождены эмоции.

Тот, кто покусился на жену товарища,
Будет награждён осиновым колом.
А если надо вытащить икону из пожарища,
То лучше это делать нагишом.

А мы уже не раз тонули и горели,
И все в шрамах от колен и до локтей.
А к нам из колыбельки тянут детские ручки,
Чтобы мы спасли их от бешеных зверей.

Мы одинаково помянем простых и именитых,

И не будем упрекать осужденных и севших,
А схоронив умерших и убитых,
Объятиями встретим живых и воскресших.

Идите в жизни и дышите глубоко,
И не стоит верить в аскетизм:
Тем, у которых сытая душа,
Не страшен самый дикий сатанизм.

Золотая Рыбка

Жизнь в детстве досыта меня не накормила,
Но, что бы ни случилось, мы не жили в полцены.
Тогда я был ребёнком, и мама говорила:
«Лишь бы не было болезней и войны».

Всегда рядом то, что кажется далёким,
И будет проклят тот, кто проклинает.
Кто обратился к небесам, не был одиноким,
А кто живёт в любви, в любви и умирает.

Всё нажитое с горем пополам
Нам на Страшном суде подсчитают,
Но тех, которые по-детски верят чудесам,
На нём, конечно, оправдают.

Под реквием настраивают скрипку,
Тихонько жизни прикрывается окно;
Я держу в руке Золотую Рыбку
Как любовь, порок и волшебство.

Золотая Рыбка – чудо из чудес,

Я верил, что случится это чудо.
Она-то знает, что такое радуга с небес,
И понимает, кто пришёл откуда.

Я для себя ничего не прошу,
Спасибо, жизнь, что по заслугам оценила.
Я сегодня от вас навсегда уйду
С пожеланием того, что мама говорила!

Часть IV. Песни

Здравствуйте, друзья!

Автор и все, кто помогал мне издавать этот сборник, просят вас попробовать свои способности и пропеть эти стихи на примере исполнителя Владимира Цветкова. Их можно исполнять в сопровождении любого для вас доступного музыкального инструмента: гитары, гармошки, аккордеона и т. д.

Оживите стихотворные строчки своими чувствами и голосами и станьте участниками поэтически-песенного марафона по всей нашей любимой и необъятной Родине.

Любите жизнь, и она вам ответит любовью.

С пожеланиями успехов,

Валерий Горелов.

Горячий снег

1 куплет

Над лагпунктом кулик тонко просвистел,
По прогретой мари лютик зажелтел.
Колкая малина – Родина моя,
Черные бараки, песня блатаря.
Иван-чай в проулке розовым встречает,
По нефтянке нефть и Уркт ее лакает.
Пусть уже не каждый правду говорит,
Все равно Медвежку месяц золотит.

Припев

На мёртвых льдинах заплывут холодные туманы,
Спасибо, остров Сахалин, за правду и обманы.
Пацанской юности моей ты – Книга и Ковчег,
Ты мой приют и мой разбег,
Ты – мой Горячий снег.

2 куплет

А когда наступит летнее тепло,
И прогреет день барачное крыльцо,
На гитаре будем песни подбирать,
По кочке морошку станем собирать.

Кто не разместился в узкой колее,
Уходя, оставьте что-то на крыльце.
Там еще умеют ждать и не судить,
Дорожить свободой, по долгам платить.

Привет

На мёртвых льдинах заплывут холодные туманы,
Спасибо, остров Сахалин, за правду и обманы.
Пацанской юности моей ты – Книга и Ковчег,
Ты мой приют и мой разбег,
Ты – мой Горячий снег.

3 куплет

От рассвета темень медленно сползает,
Пусть меня никто сегодня не встречает.
Маленький букетик лютиков нарву,
Побреду к могилам тех, кого люблю.
Над лагпунктом кулик тонко просвистел,
По прогретой мари лютик зажелтел.
Колкая малина – Родина моя,
Чёрные бараки, да песня блатаря.

Привет

Всё оно – наше

1 куплет

Где-то вдалеке звонят в колокола,
А коршун над полем рисует круги;
Каждому свои намерены срока,
И каждый свои оставляет следы.
На всех ответчиков один только истец,
Он – судья, но только не палач,
Сам человек и есть тот чёрный жнец;
Можешь помолиться, а хочешь и поплачь.

Припев

Для райских яблок самая пора,
Когда в окно глядит макушка лета.
В моей руке была её рука,
И мы успели до рассвета
Дойти до краешка земли,
И дальше было некуда идти,
Всё, дальше было некуда идти.

2 куплет

Скинула невеста белую фату,
Пытались розе шипы затупить,
Никогда не садитесь в игру,

Не зная, как оттуда соскочить.
Не пытайтесь вторить грому
И огрызаться на грозу,
И не верьте совету благому
На собственную шею навьючить узду.

Привет

Весна

1 куплет

На улице весна и красный транспарант,
А я вам свою песенку пою,
И мне на саксофоне лабаёт музыкант,
Пускай всем чудится, что это дежавю.
Пьяный участковый и пьяный домоуправ
Отмечают праздник Первомай,
Они за соблюдение всех гражданских прав,
А нам же, как татарам, всё – ёкарный бабай.

Припев

Нарезали холодной осетрины
И лафитники поставили на стол:
У Сонечки сегодня тезоименины,
И она танцует рок-н-ролл.

2 куплет

У нас общие причины для веселья
И один фасон на брюки клёш,
Нам неведомы ни страхи, ни сомненья,
Всё для нас – едрёна вошь.
Уже черешня набирает сладкий сок,
И нам бы заглянуть за поворот,

Но рядом секретарь, а не пророк,
И поэтому всё будет – ёшкин кот.

Припев

Гербовая печать

1 куплет

В зоне новый день и новая облава,
Подшилось дело с красной полосой,
И киногерой с улыбкой волкодава
Теперь будет присматривать за мной.
Собаки лают за жилым баракom,
В красном уголке склока у бригадников,
А в локалке вместе с полумраком
На отправку пакуют этапников.

Припев

В золоте отлиты лопата и кирка
В барельефе красного флага —
Пусть назовут героями труда
Архитекторов того архипелага.
А джин бессмертный с гербовой печатью
Пусть остаётся попечителем ГУЛАГа,
Ему надёжней с гербовой печатью,
Всегда сподручней с гербовой печатью.

2 куплет

Из чифирбака выжимают вторячки,
Кого-то загоняют в петушатник,

А с вахты выползают казачки,
Красную повязку нацепив на грязный ватник.
Если есть администрация в аду,
То там тоже заправляют подполковники.
Они отыщут, кто продается за жратву
И кто с любимыми кумовыми полюбовники.

Привет

Законотворцы

1 куплет

Я дал по роже депутату,
Мздоимцу, наглецу и бюрократу,
И это обозвали провокацией
Из-за моих проблем с субординацией.
Эти скорпионы стряпают законы,
Их пекут для самообороны,
Чтобы каждому досталось батраку
За колючкой проорать ку-ка-ре-ку.

Припев

Каждому достанется люлей,
Если кто не голубых кровей:
Заставят ломать шапку перед мусорами
И будут гнать по этапу пинками.

2 куплет

Не всех же насмерть засекут,
А если не убьют, то, значит, не согнут.
И там, где свой уклад и свой закон,
Их уже не сотня, а целый легион.
А лакированные рожи опять голосовали,
Их под копирку всех стилизовали.

Там всегда закон закону враг,
Где живёт архипелаг ГУЛАГ.

Привез

Зовите всех

1 куплет

Медленно вращается Земля,
И ветер птицу поднимает на крыло.
Можно догадаться, что будет опосля,
Если всучат тачку и кайло.
Кого-то надо попросить, кому-то приказать,
Эти вот горят, а эти тлеют,
Кого-то будут материально поощрять,
А чей-то пепел по ветру развеют.

Припев

Звоните в колокол, стучите в барабан,
Зовите всех, кто может помолиться.
Мираж – всегда продуманный обман,
А жизнь – совсем не то, что ночью снится.
Пускай дотла сгорит самообман,
И гордый дух свободой возгордится.
Пускай дотла сгорит самообман,
И гордый дух свободой возгордится.

2 куплет

Заросла дорога к дому сорняками,
И мы, скрежеща пеплом на зубах,

Гордимся разорёнными церквами,
Не ведая ни жалости, ни страх.
Но получилось, что не всем одна цена,
И те, кто не предали, себе могилы рыли:
Война всегда кому-то мать родна,
И они своё авансом получили.

Привет

Изумление

1 куплет

Когда наступит равноденствие весеннее,
Меня в туман узкоколейка увезёт
К полустанку под названием «Искупление»,
Где жизнь предьявит окончательный расчёт.
Станционный колокол в тумане
Бесмысленно и пьяно бормотал,
Люд лихой гасился в балагане,
И скрипач на каждой ноте привирал.

Припев

После изнурительных допросов
Протоколы развезут по полустанкам,
Где жизнь тебе ответит на тысячу вопросов,
И всё твоё к тебе вернётся бумерангом,
Всё обязательно вернётся бумерангом.

2 куплет

На полустанке под названием «Искупление»
Я сегодня к финишу пришёл,
И последним чувством было Изумление,
Когда на вдохе налетел на «свинокол».
Но оказалось, что это – спасение,

Тот вдох на последней черте,
А Божия воля и есть Изумление —
Меня оправдали на Страшном суде.

Привет

На краю

1 куплет

Кому-то даже в солнце непогода,
Тому и корка хлеба не еда,
Но если хочешь быть святей Священного синода,
То твоей пищей будет лебеда.
Не хочу никому доверять,
Но нельзя прожить, ни слова правды не сказав,
А когда вокруг ни дать, ни взять,
Не каждая собака – волкодав.

Припев

Последние надежды умирали,
Когда исчезли лучшие друзья,
Оказалось, что они тебя предали,
А милая целует злейшего врага.
И всё не за понюшку табака,
И всё не за понюшку табака.

2 куплет

Говорят, что нет дороги в никуда,
И будто нету края у Земли,
И вроде как зараза съела города,
И всё людское поменяли на рубли.

Но нас никто не властен раскрестить,
И мы восстанем на краю Земли,
И будем по новой учиться любить.
В наших лампадках горят фитили.

Привет

Намеренья

1 куплет

Чахнет прокурор над приговором,
Он хочет красноречием блеснуть.
А подсудимый называет себя вором
И предлагает с его кружки отхлебнуть.
Никто не измеряет киловаттами тоску,
И приговоры выцветают на бумаге.
Я, даже обезноженный, на брюхе уползу
Оттуда, где всё блядство в шоколаде.

Припев

Если с вами что-нибудь случилось,
Пусть это будут просто намеренья,
Вам рано или поздно придётся объясниться,
Чтобы вас не взяли под сомнения,
Даже если это просто намеренья.

2 куплет

Дедушки и бабушки – моральные примеры,
Вы же нас учили угождать,
Вы прописали в книгах новой веры,
Что надо человека как должность принимать.
Клятвами дороги замостили

И до дыр протёрли языки,
Вы детей своих безбожию учили,
Потому и не кончаются в России батраки.

Привет

Не спи

1 куплет

В бесснежную зиму морозы страшней,
И ночи как будто темнее,
Потому и волки становятся наглей,
Но на реках лёд становится быстрее.
Кого не урезонили ни карцеры, ни плеть,
Кто себя на серебро не разменяли,
Те уйдут, чтобы на воле умереть,
На воле они вроде засыпали.

Припев

Те, кто прилягут на мёрзлой земле,
Подпишут себе приговор.
Уж если заблудился в темноте,
Запали хоть маленький костёр,
Хоть с ангелом, хоть с чёртом говори,
Но только не спи, ни минуты не спи.

2 куплет

Прокурор сценарий написал,
А режиссёром всё равно осталась вера.

Этот сериал и был мой ритуал,
А не людоед в погонах офицера.
Воют на Луну лица должностные,
Они давно прицепились на след,
У них особый аппетит на отбивные,
Из тех, кто сам себе авторитет.

Принев

Одичавший

1 куплет

Душу кроют слоём копоти,
От слов ядовитых слипались глаза:
Это то ли в полукрике, то ли в шёпоте
Из другого мира прорывались голоса.
Они ответ хотели на вопрос извечный:
«Почему я не хозяин собственной судьбы?»
Мне не верили, что я не сумасшедший,
А просто одичавший без любви.

Припев

Вроде как убили Афродиту,
Выходящую из пены морской,
И осталось только место аппетиту
На обложках журнала «Плейбой».
А там всегда цена договорная,
Там всегда с ценой договорной.

2 куплет

Не отпускают дурные предчувствия
До того, что внутри печёт,
И откуда-то сочатся напутствия,
Пусть мимо любовь пронесёт.

Я, может, душой оскудевший,
Но хозяин своей судьбы.
Только не верьте, что я сумасшедший —
Я просто одичавший без любви.

Привет

От стыда

1 куплет

Если сам с собой не объяснился
И от всех лукаво затаился,
От такого даже шёпота неймут,
А если и услышат, то сразу переврут.
А когда надеешься быть выше всех сомнений,
То, кажется, из лучших побуждений
Одновременно плачешь и смеёшься,
И в горячке непонятно чем клянёшься.

Припев

Никто тебя не разглядит со стороны,
Если сразу заявился в полцены.
И не был бы Спаситель на Кресте распят,
Когда бы люди понимали, что творят.

2 куплет

Любой на обе ноги захромает,
Когда его никто не понимает,
Когда слово липнет в сахарных устах,
И он путается в собственных следах.
Лживо, что везде преуспеет
Кто даже грамма стыда не имеет,

И кто невнятно своё мнение прошептал,
Помня, что шизофрению никто не отменял.

Припев

Однако

1 куплет

Расшаркавшись последнему этапу,
И к выходу в свободное пространство
Куплю себе касторовую шляпу
Фасона предводителя дворянства.
И буду натурально фееричным,
Как депутат, пока не лицемерит,
Изысканным и очень романтичным,
Как кинофильм «Москва слезам не верит».

Припев

Сделайте с экрана один скрин —
Мы все плывём в «Yellow Submarine».

2 куплет

Конечно, буду в лайковых перчатках,
Чтобы партаки не засветить,
А на всех районных танцплощадках
Мне будут комплименты говорить.
Баландёр по хатам крынки собирает,
Но заткнёт любого моралиста;
На свободе всех как-то величают,
А меня признали графом Монте-Кристо.

Привет

Сделайте с экрана один скрин —
Мы все плывём в «Yellow Submarine».

3 куплет

Таким, как я, чего только ни снится,
И какие ни мерещатся рельефы —
Хорошо, если сиськастая девица,
А не партийных вождей барельефы.
Я свои настроил баррикады
Дальнему и ближнему сатрапу,
И камнепады пусть сменяют звездопады —
Мне подадут касторовую шляпу.

Привет

Пятница

1 куплет

Пятница всегда по-своему звучит
И намереньям добродетельным мешает,
Эта дама кого хочешь, охмурит,
Она всё время, что-то обещает.
Что на свидании юношу нежно поцелуют,
А его папе – пива на разлив,
А в лагере по-своему кайфуют,
Тут тоже много инициатив.

Припев

Пятница, пятница – врунья и развратница,
Ты – тайна за забором как жена чужая,
Ты – горькая кручина и вечная страдалица,
Так как навсегда останешься Страстная.

2 куплет

Весной холодной ноги подмерзают
И у тех, кто бдит на проходной,
Но их благие мысли согревают,
О пятничном застолье с водкой и жратвой.
Жизнь и смерть, они – две половинки,
И тут не нужно ни волшебника, ни мага,

У нас сегодня в лагере поминки,
Умер в изоляторе от голода бродяга.

Привет

ОТМЫЧКИ

1 куплет

Пытаюсь в голове писать письмо,
А рядом тухнет недоеденная пайка.
Ночь стучится в грязное окно,
И не греет рваная фуфайка.
Изморозь покрыла ржавые реснички
И серебром налипла на стене.
А если нет ни папироски и ни спички,
То, значит, ты уже на самом дне.

Припев

Я вымолю волшебные отмычки
И все засовы буду открывать.
Свобода не бывает по привычке,
Волю надо возлюбить, чтобы восстать.

2 куплет

Какой-то обезумевший скоблится по стене
И вроде даже в ноты попадает.
А те, кто покоряются собственной судьбе,
Те раньше всех и умирают;
Они ночью умирают от удушья,
Захлебнувшись в собственной слюне,

Ведь сумасшествие – оно от равнодушья,
Но только каждому по собственной цене.

Привет

Пожелания

1 куплет

Любой аккорд, как книжная страница,
С которой начинается глава.
Это как взлетающая птица —
Знаменье бесконечного добра.
Я буду петь для всех, кто меня слышит,
А кто не слышит, пусть читают по губам:
Ведь поэт с надеждою к словечку слово пишет,
Обращаясь с пожеланиями к вам.

Припев

Чтобы счастливы были не только в мечтах,
И чтобы скорбь стороной пронесло,
А высоко-высоко в небесах
Всегда облако с облаком под руку шло,
Пусть к концу лета птицы встанут на крыло,
И чтоб зимой опять белым-бело.

2 куплет

Если много хороших попутчиков,
Значит, мало надежных друзей.
И у врат монастырских не будет союзников
В споре, кто и насколько святей.

Ведь ваш художник – личная судьба,
Она рисует и затылок и анфас.
Испить эту чашу до самого дна
Я всем сердцем желаю для вас.

Привет

Три аккорда

1 куплет

Я, наверно, проворонил в жизни главный разговор,
А может просто слов не разобрал,
Но во мне остался струнный перебор —
Та самая мелодия, которой я дышал.
Музыка всего-то в три аккорда
Душу мою охраняла,
И, как колесница почётного эскорта,
Она меня везде сопровождала

Припев

Дни разбегались словно линии в кроссвордах,
Чередую горизонт и вертикали.
Мы жизнь учились понимать на трёх аккордах
И никому ни в чём не подражали.

2 куплет

Прозрачна по-осеннему фарфоровая бронза,
И она меня в сердце целует.
Она во всём чиста и грациозна,
И от душевных болезней врачует.
Музыка всего-то в три аккорда
Душу мою охраняла,

А мёртвая природа натюрморта
Бронзовыми листьями землю укрывала.

Привез

У костра

1 куплет

Закипает на костре закопчённый чайник,
Дымит на углях ароматный лишайник,
Я в звёздное небо смотрю бесконечно
И убеждаюсь, что жизнь моя вечна.
От края до края радость рожденья,
Где у каждого свое предназначенье,
Но у всех один тернистый путь
И одна Божественная суть.

Припев

За меня всегда и ночь, и день,
Лунный свет и даже тень;
Лишь бы ты сам не слукавил в пути,
Пытаясь свою гору обойти.
Не хитри на своём пути.

2 куплет

Ароматный чай из железной кружки
И две полусухие печенюшки.
Природа всегда безупречна,
И жизнь моя в ней бесконечна.
На всех своя отметка Зодиака,

А я рождён под лунным знаком Рака;
Я у всего Мира прощения прошу,
И сам, прощённый, у костра усну.

Привет

Холодный пепел

1 куплет

Поймали мальчугана в магазине,
Он булку сдобную пытался утащить,
И били сильно по одной только причине,
Что он успел от этой булки откусить.
На помойке тявкали собаки,
И холодный мелкий дождик моросил,
Пацана пинали в полумраке,
Но он у них пощады не просил.

Припев

Пусть в лампадах разгорятся фитили,
И ты все зёрна отделишь от плевел,
Но если нет в душе живой земли,
То твоя доля – лишь холодный пепел.

2 куплет

Собаки тявкать перестали и завыли,
Они уже навиделись подобных палачей;
Вечно беспородных в жертву приносили,
А мальчишку били сильнее и сильней.
От совести давно освободили
Тех, кто жизнь пересчитали на рубли.

Они же обвинили, они же осудили
И приговоры в исполнение привели.

Привез

Чёрный Крест

1 куплет

Осень может насорить, а может подметать,
Она и песню захочет – споёт;
Как собственную жизнь сумели проморгать,
И то, что уже рядом последний поворот?
А он играет только на крестях
И в любой колоде свою масть поймает,
И на пляже в Сочи, и в сибирских лагерях
Он непременно в чёрную сыграет.

Припев

За перекрёсток приняли тупик,
На красный свет подумали – зелёный,
Но если не принял монашеский постриг,
Значит ты ещё не побеждённый.
Ещё пока не побеждённый.

2 куплет

Уличный фонарь, мутный, как плевок,
Он даже свою ногу не может подсветить.
Затаился в темноте чёрный воронок:
Приехали кого-то окрестить.
Он Крест на стареньком погосте

Покрасил в чёрный-чёрный цвет:
Тем, кого не похмелил ледяной норд-ост,
Не нужен утренний рассвет.

Привет

Шиза

1 куплет

Случилась смычка города с деревней,
Теперь всех поят с одного стакана.
И теперь не будет темы задушевней,
Чем любовь Софи и Митрофана.
Она виски заедала ананасом
И стреляла жёлтыми глазками,
Когда мы самогонку запивали кислым квасом
И друг друга потчевали сказками.

Привет

Ой-ля-ля, ой-ля-ля, приезжайте в города,
Ха-ха-ха и не своди себя с ума.
А если на дверях рисуют пиктограмму,
То тебе из прошлого прислали телеграмму.

2 куплет

А сказки городские – как плюшки на меду:
Пышные и сладкие, как доярки в бане.
Мы их любили в сельском клубе, на бегу,

Для аппетита перемазанных в сметане.
Всё смешалось – как пыль на дороге с дождём —
Виолончель и русская двухрядка
Закопали сельский колокол живьём,
И каждому досталась сухомятка.

Привет

Пятый угол

1 куплет

Все искали пятую колонну —
Помазанники божьи и красные драконы,
Так они крепили самооборону,
Растоптав присягу и законы.
На Нерчинской тюрьме девки-каторжанки
Во исполнение политических доктрин
Как бывшие российские гражданки
В кандалах уйдут на Сахалин.

Припев

Вылезли весенние цветы
На холмиках из вечной мерзлоты
У не доживших до свободы арестантов;
И на могилах русских эмигрантов,
Где стояли православные кресты,
Тоже распускаются весенние цветы.

2 куплет

Тех, кому давали ордена,
За усердие назначили врагами,
И их съела золотая Колыма,
Не подавившись ни долгами, ни грехами.

А пятая колонна у пятого угла,
Его искать – загнать себя в тупик,
А загнанный – всегда ревнитель зла,
Будь он царедворец или большевик.

Привет

Ставни

1 куплет

Лето греет холодные камни,
Уже никто не будет голодать.
Никогда не закрывайте в доме ставни,
Если не собрались умирать.
Тычется мороз в рыхлые сугробы,
Утром выгонят по ним маршировать.
Хочу, чтобы желали мне свободы
Только те, кто понимает слово «ждать».

Припев

Гуляй поле, гуляй ветер, гуляй вольная душа,
Где-то утро, где-то вечер, где-то ты, а где-то я.

2 куплет

Тем, кто собирался выживать,
Мёрзлая картошка была как рафинад,
Но, чтобы людской образ не терять,
Они это вкушали, как белый шоколад.
И только сильно пересиженный жилец
Предложит обязательно вкуснятину:
Замешанный на шерсти холодец
Из мёрзлой, извонявшейся волчатины.

Привет

3 куплет

Лето греет холодные камни,
Уже никто не будет голодать.
Никогда не закрывайте в доме ставни,
Если не собрались умирать.

Привет

Старому вору

1 куплет

Без всяких дурных намерений
Гуляет ветер в диком поле;
Много всяких страхов и сомнений,
Когда ты первый день на воле.
Весенняя гроза – как электрический разряд,
Да горячие дождейки по щекам.
Он вроде рад, а вроде и не рад
Явиться по забытым адресам.

Припев

Там крутили чёрно-белое кино
Про любовь простого сталевара;
А у них свои в характере черты,
Где простая семиструнная гитара
И слова из песни «Подожди»,
Но хоть ещё немного подожди.

2 куплет

Истрепалась адресная книга
С именами врагов и друзей,
И сама по себе разрешилась интрига,
Где воля неволи страшней.

Кто-нибудь, налейте полстакана водки
На ступеньках строго двора
Прошедшему все спецкомандировки,
Но не изменившему кодексу вора.

Привет

Девяностые

1 куплет

Я не помню, кто и с кем дружил,
Кто за деньги воевал, а кто за перспективы.
Теперь уже понятно – никто не победил,
А я вас всех люблю, кто остались живы.
За то, что жизнь игрой воспринимали,
За то, что всё до крошки ставили на кон,
За то, что молодость на удаль разменяли,
Наслушавшись с кассетников шансон.

Припев

Не бывает сказки без доброго конца,
Как не бывает солнца без улыбки.
Нам своя дорога жизнью суждена;
Больше лейте мне из водочной бутылки —
Я сам себя хочу испить до дна.

2 куплет

У каждого с рождения улица своя,
У каждого свои каштаны и берёзы.
У русских не кончается война,
И на камнях кипят родительские слёзы.
Вздрыбились над пропастью кони вороные,

А беспамятство – оно как закуски постные.

А для нас это расписки долговые —

Смоляные годы девяностые.

Привет

Мироносица

1 куплет

Рама еле-эле добдела до весны,
И на стёклах кружева от мелких ручейков,
На подоконнике в кастрюльке,
Пережившей две войны,
Герань в себя приходит от зимних холодов.
Стекло не трите тёплой ладошкой,
Оно ещё замутится сильнеей.
Черничное варенье с жареной картошкой —
Ничего не будет этого вкусней.

Привес

Девочка-подросток сидела у окошка,
На ней платице из синего сатина:
Под ножницы пошла мамина одёжка,
И она сегодня как святая Магдалина.

2 куплет

На ходиках железных обломилась стрелка,
А на стенке штукатурка осыпалась давно.
Тут каждый день – из прошлого ступенька,
Всё как немое чёрно-белое кино.
Она и есть небесный свет в окне,

К ней лучики тепла, улыбаясь, просятся.
И кто-то нацарапал пальцем на стекле:
«Ты будешь наших судеб Мироносица».

Привет

Лабиринт

1 куплет

Разверните жизнь обратной стороной,
Пусть она не видит наших намерений,
Когда уже едины грешник и святой
В лабиринте веры и сомнений.
Никто не умер от сомнений и стыда —

Это только повод посмеяться,
Лабиринт – он ни туда и ни сюда,
И в нём каждый может потеряться.

Припев

Лабиринт без звёзд и ориентиров,
И только тени жмутся по углам,
Здесь нет ни оперов, ни конвоиров,
Лишь только перекличка по средам.
А среда – она всегда, как базарная молва,
Как дешёвая покупка: ни туда и ни сюда.

2 куплет

Ещё недавние народные кумиры
Строят эротичные глаза,

Никогда не кончатся такие пассажиры
И не умрут от срама и стыда.
А смелых лабиринт не напугает,
Они найдут свой путь среди руин.
Кто свою свободу любовью величает,
Тот пройдёт и Колыму, и Сахалин.

Привез

Чтобы любить

1 куплет

Осень только-только подползает,
На неё труба печная выдыхает дым;
Один уже цыплят по осени считает,
А другой ещё пытался походить босым.
Кажется нестрашной точка невозврата;
Нас не зря учили верить и любить,
Мы не знали, что бывает предоплата,
Но умели понимать и не судить.

Припев

Мы можем в мире жить, а можем воевать,
И всегда готовы правде послужить.
Вместе с нею умирать и воскресать,
И за то свою судьбу благодарить.
Но если не сумеем победить,
Пусть по нам звонят колокола:
Ведь мы жили для того, чтобы любить,
Потому нам нету ни начала, ни конца.

2 куплет

Мы друг за другом прятаться не будем,
И никого не станем порицать,

И лица друзей не забудем,
И всегда найдём, как им воздать.
Но пусть помнит сам собой приговоренный,
Кого ему за всё благодарить,
Если, живой и исцеленный,
Опять придёт, чтобы любить.

Привет